

КРАСНАЯ ВОРОНА

Ника Созонова

Ника Созонова

Красная ворона

<https://litres.ru/73394183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подзаголовок повести - "История о моем необыкновенном брате-демиурге". Это второй роман, написанный в соавторстве с мамой. Моей текстовой плоти больше - примерно две трети. Жанр, как всегда, неопределенный: и фэнтези, и мистика с эзотерикой, и достаточно серьезный разговор о сути творчества.

Содержание

Часть 1 Фантазер	4
Дожди	4
Ожившие рассказы	27
Игры с тенями	44
Как я стерла этот мир, а затем придумала заново	68
Больные сны	92
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ника Созонова

Красная ворона

Часть 1 Фантазер

Дожди

Ринат родился раньше меня на два года, десять месяцев и одиннадцать дней. Когда я еще только училась садиться и улыбаться, он уже потерял льняные кудри, заменив их рыжими вихрами, и прилично говорил: редко, но по делу.

Лет до шести (моих) он не замечал моего существования вовсе. Так, мельтешит что-то под ногами - вроде не кошка, раз не пушистая и без хвоста. Порой совершает робкие попытки познакомиться поближе, которые безжалостно пресекаются: объект представляет нулевой интерес.

Может показаться странным, что два ребенка, живущие в одной семье, не общались и не играли вместе месяцами. Но у нас была просторная квартира с широкими коридорами, высоченными потолками и отличной звукоизоляцией. Мне предоставили свою комнату, Рину - свою. Даже нянь было две. Точнее, няня Рина, простая старушка, перешла ко мне по наследству, стоило мне появиться на свет. А для него на-

няли тетеньку с высшим образованием, чтобы с младых лет учила английскому и хорошим манерам.

Хотя родители старались заботиться и не ограничивать своих отпрысков ни в чем полезном и нужном, ощущения семьи как таковой в нашем доме не возникало. Ни мягкого гнезда, ни теплого очага, ни уютной норки. Просто несколько людей разного возраста и пола обитали по какой-то причине под одной крышей.

Родители много работали, и в будни, и в выходные, постоянно были заняты, и виделись мы редко. Даже завтракать, обедать и ужинать отчего-то полагалось в разное с ними время, хотя просторная кухня вполне могла вместить всех шестерых (вместе с нянями).

Самым печальным в мои рассветные смутные годы было то, что детское одиночество не сближало: единственный родной братик не желал меня замечать.

В девять лет Ринат серьезно заболел - что-то с легкими. Два месяца провалялся в больнице, а когда выписался, врачи порекомендовали свежий воздух и отдых от всех занятий. Обеих нянь спровадили в отпуск, а меня и брата отвезли в глухую деревню, где очень кстати проживала мамина двоюродная тетя, а для нас - троюродная бабушка.

В деревню мы были доставлены папой. Всю неблизкую дорогу за рулем своего 'москвича' он хмуро молчал, видимо, обдумывая насущные проблемы. Мы с братом сидели на заднем сидении, и я страшно робела, впервые в жиз-

ни оказавшись с ним в таком тесном соседстве без посредничества нянь. Ринат, возбужденный поездкой, пребывал в непрерывном движении. Хаотично взбрасывал в разные стороны кисти рук, забирался с ногами на сиденье, а потом ужом сползал под него, вращал лохмато-рыжей головой на тонкой шее. Он то и дело задевал меня - ступней, локтем, плечом, - не замечая этого. Даже глаза не оставались в покое: то расширялись, то сужались, ведя себя настолько свободно, насколько позволяли лицевые мышцы - в компании с носом, губами и подбородком. Папа почти не делал замечаний, сосредоточенно глядя в лобовое стекло. А я, наоборот, не спускала глаз с брата. Мне казалось, что весь он крупно дрожит или вибрирует, и словно перетекает из одной формы в другую. Это было захватывающе интересно, и я смотрела, не отрываясь, хотя и порядком трусила.

- Что вылупилась?

Он не выдержал, наконец, гнета моего внимания. Я тут же опустила глаза и весь оставшийся путь изучала узор своей новенькой клетчатой юбки.

Дом, в который мы были доставлены на исходе дня, оказался настоящим деревенским - из круглых бревен. Примерно так я его и представляла, по книжкам, но все равно было необычно и здорово: скрипящие доски выскобленного до желтизны пола, веселые полосатые половички, которые жалко было топтать ногами, железная громоздкая кровать с пирамидкой уменьшающихся подушек. Бабушка, она же тетя,

оказалась грузной, шумной и деловитой. Баба-тетя - так стал называть ее брат с первых минут, и я следом за ним. Она поправила пару раз, но быстро смирилась, что предложенный ею вариант - баба Таня - был нами отвергнут.

Нас с братом поселили вместе, в комнате на втором этаже. Там были зеленые в цветочек бумажные обои, шелушащиеся от ветхости, и столь же ветхая пожелтевшая тюлевая занавеска на пыльном окне. Спать мы должны были - о чудо! - прямо на полу, на матрасах, набитых соломой. Белье, правда, присутствовало, но простыни и наволочки, усеянные заплатками, расползались от каждого движения.

Дав бабе-тете исчерпывающие инструкции, чем и когда кормить детей, во что одевать и в какое время укладывать спать, папа с облегчением отчалил. И мы помахали ему вслед с не меньшей радостью. Точнее, помахала одна я - братик в момент отъезда 'москвича' интенсивно исследовал двор и даже не оглянулся.

Баба-тетя тут же наплевала на инструкции, накормив в неуточное время вкуснейшими зелеными щами с домашней сметаной и посоветовав ходить босиком и одеваться полегче, 'чтоб не запариться'.

До позднего вечера я исследовала сад и огород и провела время насыщенно и приятно: в компании клубники, черной смородины, двух коз и выводка цыплят. Но в незнакомой комнате, забравшись под одеяло с вылезающей отовсюду ватой, окруженная странными шорохами и чужими запа-

хами, струхнула. Долго крепилась и сопела, но не выдержала - разревелась. Сперва тихо, стараясь не нарушить ровный ритм дыхания быстро провалившегося в сон брата. Но страх не уходил - нарастал. И я завыла в голос, уже не думая ни о чем и ни о ком.

Из-за собственного воя не расслышала шагов. Фигура Рината, выросшая в темноте, вызвала еще больший приступ ужаса, а значит, и слез.

- Что ты реवेशь?!

- М-м-мне страшно...

Брат присел на край матраса и тяжело, по-взрослому, вздохнул.

- И кого ты боишься? Здесь нет ни души, кроме нас с тобой.

- Я домо-ой хочу... Здесь все... все... шуршит и пахнет...

- Ну и пусть пахнет. Не серой ведь, как в аду. И не туалетом.

За дверью послышались тяжелые шаги, и Ринат мгновенно переместился на свое ложе.

- А кто это тут шумит? Кто ноет-воет, слезу пускает? - Вошедшая баба-тетя, не зажигая света, прошествовала ко мне.

- Ты, что ль, Иринка?..

- Я. Страшно...

- Сериал не дала досмотреть, на самом интересном месте завыла. Небось братец пугает?

- Нет-нет!

- А то смотри у меня, - развернувшись к Ринату, она во тьме погрозила ему пальцем. - Не вой, девонька. Я тебе колыбельную спою.

Баба-тетя подоткнула на мне одеяло, взбила подушку (я еле сдержалась, чтобы не чихнуть от поднятой пыли) и низко заголосила:

- Баю, баю, баю, бай.

Приходил вечер бабай,

Приходил вечер бабай,

Просил: Ирочку отдай.

Нет, мы Иру не дадим,

Иру нужно нам самим...

От колыбельной стало еще страшнее. Что это за бабай, которому во что бы то ни стало потребовалась Ирочка - то бишь я?..

- Ну, как? Засыпаешь? - поинтересовалась баба-тетя. - Не боишься больше?

- Нет, - пискнула я.

- Ну, тогда я пойду седьмую серию досматривать. Спокойной вам ночи!

Баба-тетя тяжело поднялась и вышла, скрипя половицами.

А я опять заскулила, правда, тихо: бесформенный страх обрел имя - 'бабай', похититель и пожиратель маленьких девочек.

- Ну, что мне с тобой делать?!

- Тут баба-ай...

Ринат вскочил и зажег свет - одинокую электрическую лампочку без абажура.

- Посмотри! Тут нет никого.

- А может, он спрятался, а потушишь лампу - вылезет! Тебе хорошо: он не Рината просил ему дать, а Ирочку...

Брат опять опустился на мой матрас.

- Да уж. Лучше б она не пела.

Он на пару секунд прикрыл веки, словно задумался. А когда открыл, глаза стали другими. Темно-серые, они посветлели и позеленели. Но главное - рябь круговых волн разбежалась от зрачков до края радужек. В волнах поблескивали искры или светлячки. Немножко напоминало море - не у горизонта, а вблизи от берега. Было страшно и завораживающе. Позднее я поняла, что, когда глаза брата становятся такими, вокруг начинают происходить странные вещи и случаются всяческие чудесности. Но тогда я этого еще не знала и так испугалась, что забилась в угол и даже перестала плакать.

Ринат, казалось, не заметил моего состояния. Он наклонился и зашептал, словно в пустой комнате нас мог услышать кто-то посторонний:

- Ты умеешь хранить секреты?

- Что у тебя с глазами?! - Я же, напротив, почти визжала, напрочь позабыв о бабе-тете внизу с ее седьмой серией.

- А что с ними? - Брат подался было к зеркалу на стене, но передумал, махнув рукой. - Ну, так - да или нет? Только

шепотом, а то тебе снова споют про бабая.

- Что с твоими глазами? - упорствовала я, правда, потише.

- Глаза на месте. Значит, не умеешь? Ну, и фиг с тобой! Значит, я не расскажу тебе, что там шуршит и скребется. И ты и дальше будешь реветь и бояться, не зная, что они хорошие и совсем не злые.

Он поднялся, показывая, что разговор окончен. Любопытство победило страх, и я ухватила его за край пижамы:

- Хорошие?.. Не злые?.. Кто?

Ринат милостиво улыбнулся и приземлился на прежнее место.

- Ты точно никому не скажешь? Я могу тебе доверять?

- Никому! Клянусь. Честно-честно!

- Дожди.

- Что?

- Это дожди. Которые шуршат на чердаке.

- А кто это? Я о таких ни разу не слышала. Они большие? Они кусаются?..

- Кто, дожди? Нет, конечно. Они маленькие, разноцветные и пушистые.

- Здорово! А я могу их увидеть?

От нетерпения я принялась подпрыгивать на матрасе, отчего из дыр полезла колкая солома.

- Прямо сейчас? Может, лучше завтра?

- Нет-нет-нет! Если я не увижу их прямо сейчас, то буду бояться и дальше. Потому что я тебе не очень-то поверила.

- Не поверила? Тогда не пойдем. Вот еще: ты мне не веришь, а я тебя за это должен с чудесными существами знакомить!

- Поверила-поверила! Давай сейчас!

- Ладно, уговорила. Но мы должны выбраться отсюда тихо-тихо, чтобы баба-тетя не услышала и не застучала нас.

- Она сериал смотрит. Не услышит!

- Ладно, двигай за мной!

Переговариваясь шепотом, мы отправились в опасное путешествие на чердак. Нас ждали дремучие дебри коридора, лестница, логово чуткого хищника, откуда доносилась музыка и страстное мурлыканье телятника, и, наконец, еще одна лестница, узкая и скрипучая.

Едва мы вышли за дверь, я крепко ухватила брата за руку. Пару раз он попытался выдернуть пальцы из моей потной ладошки, но безуспешно. На подходе к чердаку смирился и не предпринимал больше попыток к освобождению.

- Ну, мы пришли. Ты готова?

Не дожидаясь ответа, Ринат толкнул квадратную дверь. Она открылась на удивление беззвучно. За ней простиралась мгла, пахнувшая пылью и старым хламом, и всеми детскими страхами.

- Включи свет, - попросила я жалобно.

- Нельзя. Пойдем!

Брат потянул меня вглубь опасной неизвестности, но я забуксовала.

- Мне страшно. Там темно!

Я подвыла в преддверье плача.

- Тихо! - Ринат зажал мне рот ладонью. Она была шершавой, как дощечка, и пахла так же - смолой. - Ну вот, знал же, что девчонкам верить нельзя, тем более, таким мелким! Прекрати, иначе явится баба-тетя, и знаешь, как нам с тобой влетит?! Мало не покажется - покажется много.

Он насильно втопил меня через порог и закрыл дверь. Я принялась брыкаться и вырываться и догадалась, наконец, укусить зажимающую рот руку. Брат зашипел и отвесил мне свободной рукой подзатыльник.

- Смотри туда! - Меня развернули в сторону маленького окошка, жестко встряхнув при этом.

Я нарочно зажмурилась и замотала головой. Но когда тряхнули еще раз, и посильнее, решила открыть глаза - в надежде, что изверг отстанет и перестанет взбалтывать, словно бутылку с кефиром.

Летняя ночь втекала сквозь мутное стекло, но отчего-то не могла наполнить собой помещение, а топталась, как незваный гость у порога. Нечто пушистое и светящееся шевелилось на полу. Свет был похож на лунный, только не серебристый, а разноцветный. Что-то вроде мерцающего ковра в ладонь высотой. Забыв про слезы, я осторожно шагнула вперед, чтобы рассмотреть это диво. Вблизи 'ковер' оказался не однородным, а состоящим из шарообразных комочков, живых и дрожащих. Я протянула руку - и пушистая волна

отхлынула от пальцев. Дожди (ведь это были именно они!) в панике заметались, карабкаясь друг на друга, стараясь заполнить собой все углы и щели.

- Но почему? - обернулась я к брату.

Ринат рассматривал дожек с радостным изумлением. Похоже, он видел их в первый раз. Тогда откуда о них узнал?.. Глаза были во мраке, но слабые искорки выдавали, что по радужкам расходятся зеленоватые волны. Он выглядел крайне довольным - как человек, сотворивший нечто такое, чего сам от себя не ожидал.

- Ты кажешься им большой и опасной.

- Но я же маленькая! И добрая.

На это брат не ответил. Подойдя, присел на пол, потянув меня за собой, и положил руку поверх моей. Его дожди отчего-то не испугались. Принялись стекаться отовсюду к его ладони. Правда, забраться на нее решился только один (одна, одно) - лиловый и, как видно, самый отважный. Остальные шевелились возле, светясь и переливаясь, словно большие пушины одуванчика или маленькие персидские котята. Шевелились... а потом принялись потихоньку расползаться в разные стороны. И растаяли.

- Спать ушили, - шепотом объяснил Ринат.

Он осторожно пересадил оставшегося смелого пушистика со своей руки на мое плечо. Тот опасливо дернулся и подождал с полминуты, а затем притих, смирился. Я скосила глаза, чтобы как следует его рассмотреть. Размером дожка

был с теннисный мячик, но гораздо легче. Казалось, он вообще ничего не весил, как птичье перышко или тополиный пух. Тельце было не совсем круглым, а в форме яйца острым концом вверх. Кроме голой розовой макушки, все покрывала шерстка бледно-лилового цвета. Она светилась, но не равномерно, а словно пульсируя. В шерсти поблескивали черные бусинки глаз, как у мышки или хомячка. Лапки - по крайней мере, та их часть, что была видна из-под густой шубки, тоже походили на конечности маленького грызуна - с тонкими пальчиками и коготками.

- А говорить он умеет?

- Умеет. Но не так, как мы.

- А как?

- Если он привыкнет к тебе и начнет доверять, то будет тихонько насвистывать или пощелкивать язычком. А если будет совсем доволен, может даже спеть. Без слов, конечно. Ну что, пошли спать? Ты убедилась, что бояться нечего?

- А можно взять его с собой?

- Я бы разрешил, будь я уверен, что ты никому не скажешь. Но, - брат выразительно развел руками, - ты уже подвела меня сегодня.

- Я больше не буду! Никогда-никогда.

Ринат упорствовал, но в уголках губ притаились смешинки. Видимо, для него это было игрой, что я отлично чувствовала. Поэтому, несмотря на непреклонный тон, не теряла надежды. В конце концов, мы сошлись на том, что зверушку я

заберу, но если проговорюсь кому-нибудь, то:

- Никаких дождей ты больше никогда не увидишь! Я перестану с тобой разговаривать до конца жизни и до конца жизни буду считать маленькой, глупой и вздорной девчонкой!

Когда мы со всеми предосторожностями вернулись в свою комнату, я пристроила дождик рядом с собой на подушке, вдавив кулаком ямку. Подушка была большой и просторной, и я не рисковала задавить зверька во сне. Он тут же распушился и округлился, засиял особенно ярко и... исчез.

Я горестно охнула.

- Заснул, - объяснил Ринат. - Когда они спят, они невидимые.

Он сидел на своем матрасе, скрестив ноги и вытаскивая из дыр соломинки. Глаза обычные, только взгляд уставший и взрослый. Мальчишки девяти лет так не смотрят.

- А завтра я его увижу?

- Конечно.

Я тихонько засмеялась и чуть было не подпрыгнула на матрасе, но вовремя осадилась: дождик мог проснуться и испугаться.

- Знаешь, Ринат, очень здорово, что мы с тобой наконец подружились! Раньше мне часто бывало грустно, а теперь не будет: ведь ты будешь со мной играть.

- А мы подружились?

Опешив, я принялась тереть шрам на подбородке, как делала всегда, когда была крайне взволнована. Еще лучше в

таких случаях помогало сосание большого пальца, но, если брат увидит меня с пальцем во рту, решит, что я совсем маленькая, и точно не будет дружить.

- Я не знаю. Но очень хочу, чтобы мы с тобой были друзьями! Мы ведь брат и сестра.

Ринат молчал какое-то время. Я так занервничала, что все-таки засунула палец в рот. Правда, тут же вытащила и спрятала руку под матрас, во избежание соблазна. Брат не обратил никакого внимания на мой маневр.

- Хочешь - значит, будем, - наконец заключил он. - Если ты не проговоришься и не станешь приставать ко мне со всякими девчачьими глупостями.

- Не стану и не проговорюсь!

От радости я взлетела, разметав одеяло. Тут же проявился-показался испуганный дождя. Ринат, засмеявшись, перескочил до меня одним прыжком и взял его в ладони, успокаивая, а я пульнула освободившейся подушкой в потолок. Из нее посыпался снегопад перышек.

Мне верилось, что все теперь пойдет по-другому. Словно кто-то распахнул дверку внутри меня и впустил солнце и лето, расцветившие душу яркими красками. А может, я сейчас придумываю мои тогдашние мысли и эмоции. Ведь с тех пор прошло много лет, и я могу анализировать и теоретизировать. А тогда, верно, просто радовалась, как ликовал бы любой одинокий ребенок от забрезжившего счастья не-одиночества.

Когда Ринат сумел меня уговорить, и дожка был устроен с удобствами на прежнем месте, и я уже почти уснула, он подал голос:

- Слышь, сестра!

- Да?..

- Ты учти: ты больше не Ира. С Ирой я дружить не хочу и не стану.

- Почему?!

- Ир много. Куда ни кинь - обязательно попадешь в Иру. Ты теперь... - он задумался на пять секунд, - ты теперь Рэна, поняла?

- Поняла.

- И я не Ринат. Ринатов, конечно, меньше, чем Ир, но тоже порядочно. Я Рин. Поняла?

- Поняла.

- Повтори. Скажи: поняла, Рин.

- Поняла, Рин.

- Хорошо. Спокойной ночи, Рэна!

Когда я проснулась, дожка уже не спал. Собственно, он меня и разбудил, принявшись поглаживать крошечной когтистой лапкой мою щеку. При этом он тихонько насвистывал, словно птичка - щегол или малиновка. Я решила назвать его Фиолетик, или сокращенно - Филя.

К чести своей, я оказалась стойким партизаном и никому не проговорила. Хотя искушение было велико. Особенно тянуло рассказать секрет бабе-тете, которая при ближайшем

знакомстве оказалась не огромным зубастым хищником, а добродушной - хоть и массивной и громкоголосой - старушкой, и кладезем интересных сведений в придачу.

Уже на второй день я называла ее 'баба Таня' и с удовольствием помогала в нехитрых домашних делах: выпалывала желтые одуванчики с грядок, рассыпала зерно и хлебные крошки курам, прогоняла со двора прутиком наглых соседских гусей. Выходить за ворота было строго-настрого запрещено, и иных развлечений не имелось. Попутно с интересом выслушивала ее рассказы о том, как хорошо было раньше и никогда уже больше не будет.

Рин с бабой Таней почти не общался. Это было неудивительно: в тот период жизни он вообще мало нуждался в людях. Я его чем-то зацепила, и брат периодически уделял мне время, но это было исключением. (Для меня - исключением замечательным, наполненным чудесами.)

Обычно он убежал из дома сразу после завтрака, а возвращался к ужину - усталый, голодный и исцарапанный. Где был и чем занимался, оставалось его личной тайной.

- А братец-то твой - совсем дичок!

Баба Таня завела этот разговор как-то вечером, за вязанием мне толстых и колючих носков из козьей шерсти.

- А что это значит?

Я тоже не сидела без дела: распутывала клубок, который наша шалая кошка Дуня превратила в не пойми что.

- Ну, смотри. Есть яблони садовые, и яблоки у них кра-

сивые и сладкие. В саду у нас много таких, в августе полакомишься. А вон за забором, видишь? - деревце выросло. На нем яблочки такие мелкие и кислые, что лучше и не пробовать: рот оскоминой сведет. Наши яблоньки называются культурными, а та - дикая, или дичок. Так и Ринат - вроде того деревца. Хоть и в нормальной, культурной семье растет, и родители - не алкоголики какие.

- А кто такие алкоголики?

- Вырастешь - узнаешь. Уж такого-то добра!.. - Баба Таня махнула рукой, забыв про спицы. - Вот, петлю запутала из-за тебя...

- А это плохо - быть дичком?

- А что ж хорошего? Таких людей никто не любит. Если характер у твоего братца не изменится, вырастет из него бандит какой-нибудь или убийца. Кто в детстве никого не слушает, для того и законы потом не указ будут.

Обидевшись за брата, я принялась горячо его защищать:

- Неправда! Рин хороший и добрый! Не будет он бандитом. А ты, баба Таня, обиделась на него за то, что сегодня утром он на тебя огрызнулся, а вчера домой прибежал, когда ужин уже остыл. А позавчера Дуню акварельными красками раскрасил... - Я запнулась, осознав, что проказы Рина, о которых можно рассказывать бесконечно, вряд ли смягчат сердце бабы Тани. Затем добавила тихо: - Он же не знал, что краски такие вредные, и Дунька, помыв себя язычком, отравится и долго тошнить будет...

- Ох, герой! - усмехнулась баба Таня. - Хорошо все художества его описала.

Я вскочила, готовая убежать, швырнув клубок на пол.

- Обиделась за родную кровь? Да ладно, может, и не вырастет еще уголовник. Драть его надо, как сидорову козу. А некому, видно, драть. Слишком все культурные. Ох, намаются еще с ним мать с отцом...

Я села обратно и закончила свою работу, но уже кое-как, без огонька.

А перед сном пересказала разговор брату.

- Ну и что ж - что дичок? Так даже лучше! - Рин казался ни капельки не обиженным. - Зато ветки той яблоньки никто не обрывает, чтобы сорвать яблочко послаще. А птицам все равно - кислые они или сладкие, они и так клюют, и песенки распевают. И драть меня, как козу, не надо - все равно не поможет. Не стану я тихим пайнышкой, пусть не надеются. И убийцей не стану, можешь не бояться. Людей убивать неинтересно.

- Ты что, пробовал? - испугалась я.

- Нет. Но знаю. Разрушать всегда просто и неинтересно.

При этих словах голос его стал чужим, глуховатым. Но не успела я это осмыслить, как Рин снова стал самим собой.

- Хватит об этом. Завтра пойдем на речку! И Филю с собой прихватим.

Я взвизгнула от восторга.

Мы жили в деревне уже больше месяца, а на речку я не

выбиралась ни разу. Как, впрочем, куда-либо еще за пределы бабы-таниного сада-огорода.

Операцию мы держали в строгой тайне. Из дома вышли после обеда - в это время баба Таня обычно устраивалась подремать на своей огромной кровати с пирамидой подушек (не потревожив их архитектуру, лишь сдвигая в сторону). За обедом она съязвила, что еды для Рината не приготовила: в это время суток дома он не бывает. Брат и глазом не моргнул - тем более что миска борща и кружка молока для него все-таки нашлись.

До речки, прозванной местными жителями Грязнухой, было километра два. Под лучами припекающего солнца для меня, шестилетней, не спортивной и физически изнеженной, это было большим расстоянием. Но я не ныла, зная, как раздражают нытье и жалобы брата. Рин шагал молча, даже необязательной болтовней не скрашивая моих страданий. Лишь когда за кустами заблестела мутно-зеленая речная гладь, соизволил открыть рот:

- А ты вообще-то умеешь плавать?

- Нет. - Я подошла к воде и опасно пощупала босой пяткой. Она показалась ледяной по сравнению с раскаленным воздухом. - Меня же не водили в бассейн.

- И меня не водили, - хмыкнул Рин. - Здесь глубоко, - сообщил он, озирая Грязнуху. - И омуты.

- Значит, купаться нельзя?

- Наоборот. Проще будет научиться.

Он сбросил рубашку и джинсы.

- А ты уже здесь купался?

- Сто раз. Что застыла столбом? Сними Филю с плеча!

Дождь выглядел неважно. Жаркая прогулка не пошла жителю чердака на пользу: мокрая от пота шерстка облепила тельце, уменьшившееся в объеме раз в пять, бока тяжело вздымались, а макушка, выглядывавшая айсбергом сквозь лиловые дебри, была уже не розовой, но пугающе багровой.

Я послушно сняла зверьку и опустила в траву. Он тут же заполз в тень от лопуха и с блаженным, как мне показалось, выражением прикрыл глаза-бусинки.

- Ты ведь не кинешь меня туда?..

- Конечно, нет. Разве могу я кинуть свою единственную маленькую сестренку в эту холодную мокрую воду?

Что-то в его тоне показалось мне подозрительным, и, начав стягивать платье, я замерла на полдороге. Но долго задумываться мне не дали: брат рывком завершил мною начатое, и тут же от толчка в спину мое тельце полетело со всего размаха в глубокую и быструю Грязнуху.

Говорят, таким варварским способом можно научить ребенка плавать: будто бы включается инстинкт самосохранения, и дитя автоматически начинает совершать правильные телодвижения. Полная фигня! На своей шкурке испробовав этот метод, говорю честно: научиться таким способом плавать невозможно, а вот получить нехилую психологическую травму - запросто.

Ко дну я пошла не сразу, не как топор. Сперва побарахта-лась на поверхности и даже попыталась выползти на берег, бывший поначалу совсем близко - стоит ухватиться за навис-шую над водой ветку или корень куста. Рин наблюдал за мо-ими попытками спастись с видом естествоиспытателя, ставя-щего опыт над очередной лабораторной крыской. Порой по-давал голосовые команды: 'Греби руками, а не молоти воду!', 'Ногами, ногами работай!', или комментарии: 'Машешь ру-ками, как глупая ветряная мельница', 'Сюда бы камеру: об-хохочешься!..' Большинство реплик я, правда, не слышала: было не до того. Сильное течение относило все дальше от берега и тянуло вниз. Приходилось бороться еще и с липкой волной страха, затопившей голову и внутренности.

Боролась я минут пять, пока не выдохлась. Сложив, об-разно говоря, лапки на груди, отдалась течению и принялась погружаться в зеленоватую муть, с намерением пополнить ряды местных утопленниц. Последнее, что я увидела - как Рин, размахнувшись, швырнул что-то в мою сторону. Даль-ше были тьма и вода, заполнявшая ноздри и горло. Отврати-тельное ощущение, но, верно, последнее...

И тут что-то упругое ткнулось в бок и поволокло вверх - к воздуху, к солнцу, к жизни. Когда, отдышавшись и от-плевавшись, я обрела способность соображать, поняла, что происходит нечто удивительное. Я сидела верхом на чем-то большом, теплом и гладком, быстро несшимся против тече-ния. Дельфин? Видеть дельфинов мне не доводилось, только

слышала, что они очень добрые и водятся в южных морях. Ну а этот, видимо, был речным.

Я помахала Рину. Он прыгнул в воду, вызвав фонтан брызг, и крупными гребками поплыл ко мне.

- Это ведь дельфин?

- Какой дельфин?! - захохотал он, отфыркиваясь. - Это твой дождик, глупая! Филя! Не узнала?..

То было самое изумительное купание в моей жизни. Видоизменившийся Филя подбрасывал меня высоко вверх и отскакивал в сторону - так, что я шлепалась в воду - не больно, но весело. Или Рин, схватив меня за ноги, утаскивал к самому дну, а оттуда дождик, изгибаясь всем телом, выталкивал нас обоих. При ближайшем рассмотрении он больше напоминал не дельфина, а тюленя, только с лапами вместо ласт и пушистыми густыми усами.

Но все прекрасное быстро кончается. Не прошло и получаса, как брат потянул меня на берег. Как я ни упрашивала, как ни капризничала, он был непреклонен. Мы выбрались на сушу, где Филя тут же съежился до своего обычного размера и принялся активно сушиться на солнышке

- Ну почему, почему мы так мало купались?..

- Я устал.

- А почему я совсем не устала? Я же младше!

- Потому.

Он словно выплюнул это слово. Выглядел Рин и впрямь изрядно уставшим: кожа посерела, под глазами залегли тени.

Недоумевая, я прекратила расспросы и, мрачно сопя, натянула платье.

Вновь раскрыла рот лишь на полпути к дому:

- А когда ты научился плавать?

- Я не учился. Просто всегда умел.

Решив, что он заливает, как все мальчишки (верно, втайне от меня ходил в бассейн), я дипломатично сменила тему:

- Мы ведь придем еще сюда, правда? Еще будем много раз купаться?

- Почему нет?

- Завтра?

- Лучше послезавтра. А то быстро надоест.

Ожившие рассказы

Но послезавтра на Грязнуху мы не пошли - зарядил дождь. И не летний ливень - короткий, бурный и хлесткий, а основательный и монотонный. Тучи накрепко заволокли небо, без единого просвета.

- Ну, это надолго, - заключила баба Таня. - Не на день и не на два. - Заметив уныние на моем вытянувшемся лице, бодро добавила. - Зато грибы пойдут! Полные лукошки притаскивать будем. Возьму тебя в лес, так и быть, как распогодится.

- Мне не нужны грибы! Мне нужно солнце! И прямо сейчас.

Она усмехнулась.

- Солнце ей нужно - ишь, какая... Ну, так попроси у Боженьки. Может, тебя, невинного ангелочка, и послушает.

Но никто меня не послушал. На следующее утро дождь шумел с той же неутомимостью. Печаль ситуации заключалась не только в том, что невозможно было повторить замечательное купание. Нечем было заняться. Вообще!

Телевизор у бабы Тани был старый, тусклый, и показывал лишь одну программу. Днем он был выключен, а по вечерам баба Таня смотрела бесконечные бразильские сериалы. Видика не имелось. Пластинок со сказками тоже.

Рин нашел для себя выход, нарыв на чердаке стопку старых журналов вроде 'Огонька' и 'Крестьянки', в которые

и уткнулся. Когда я попросила поискать для меня детские книжки, вручил совсем малышковые, состоявшие из одних рассыпающихся картонных картинок. 'Курочка Ряба', 'Репка', 'Красная Шапочка' - уже в три года я знала эту белиберду наизусть.

Баба Таня на мои приставания с просьбами рассказать сказку или волшебную историю бубнила ту же 'Репку' с 'Колобком'. А когда я взывала, что давно из них выросла, ехидно предложила:

- Раз ты такая большая, можешь смотреть со мной 'Рабыню Изауру'. Я расскажу, что было в первых сериях, хочешь? Но 'Рабыня Изаура' меня не прельщала...

На третий или четвертый день уныло-дождливого прозябания, когда мы с Рином спустились к ужину, обнаружили гостью.

- Маруська зашла, - объяснила баба Таня. - Подружка моя давняя-задушевная. Ваньку помянуть.

Маруська была крохотной - ниже бабы Тани на две головы - и совсем ветхой старушкой. Но голос имела звонкий, как у молодой, и повадки тоже. На столе красовались кружки и ополовиненная бутылка с чем-то мутно-белесым. Поминали неведомого Ваньку несерьезно, на мой взгляд. Обе подружки, раскрасневшиеся и оживленные, и не думали грустить.

- Ой, а ужин-то я дитю приготовить забыла! - всплеснула руками баба Таня.

- Не дитю, а детям, - поправила, хихикнув, Маруська. - Их

же двое, протри глаза!

- Да малец-то не пропадет! Он часто без ужина или без обеда - носят черти незнамо где. А вот Иринку надо бы покормить. Сплоховала я...

- Пусть сами покормятся, чай не грудные! - Марусяка повела рукой над столом. - Кушайте, детки дорогие. Кушайте все, что найдете!

Мы нашли миску со скользкими маринованными маслятами и тарелку с хрустящими солеными груздями. Имелась еще горка желтоватых малосольных огурцов. С хлебом не так плохо и даже сытно.

- Помню, я еще молодушкой была-а-а... - тоненько заголосила Марусяка, откинувшись на стуле и развязав под подбородком платок. - Ванька эту песню любил. Подпевай, подруженька!..

- Семерых я девок замуж отдала-а, - подхватила баба Таня, низко, почти басом.

Пели они недолго, быстро выдохлись. Марусяка озорно ослабилась и кивнула нам с Рином.

- Теперь ваша очередь! Спойте что-нибудь или станцуйте! Поразвлеките двух старых развалин.

- Да куда им! - махнула рукой баба Таня. - Себя-то развлечь не могут. Как дождь зарядил, так и началось нытье: 'Баб Тань, расскажи что-нибудь, а то ску-у-учно...'

Рин вздернул брови, готовясь возразить, что к указанному нытью отношения не имеет, но неугомонная Марусяка не

дала ему вставить слово.

- Так и расскажи! А хотите, я расскажу?..

Я радостно закивала, а Рин воздержался от ответа.

- А что ты рассказать-то можешь? - засомневалась баба Таня. - У тебя и телика нет...

- И не нужен мне твой телик - мозги засорять!.. Про нечисть всякую расскажу. Нынешние дети об этом и не слышали, а в наше с тобой время - каждый младенец знал. Про домового хотите? Или про лешего?..

- Хотим-хотим! - И в этот раз мой вопль оказался в единственном числе.

- Кто не хочет - насильно не держим. Может покинуть честную компанию! - Маруська стрельнула бедовым взглядом в Рина, но тот не отреагировал, сосредоточенно передвигая вилок по тарелке последний оставшийся груздь.

В тот раз мы с братом уснули далеко за полночь. После увлекательных рассказней Маруськи нас погнали в постель, но подружки еще долго то пели, то громко вспоминали связанные с Ванькой смешные истории, и заснуть мы, естественно, не могли. Помимо доносившихся снизу звуков мне мешало уснуть радостное возбуждение, вызванное словами Рина. Перед тем как нырнуть под одеяло, он бросил:

- Завтра будет кое-что интересное.

- Что? Что?!

Но уточнять он не стал.

Наутро я первым делом напомнила брату о его интригую-

щем обещании.

- Потерпи. Вот баба-тетя заснет после обеда...

Время тянулось страшно медленно. Наконец, после сытной еды в виде сырников со сметаной, заслышав скрип пружинной кровати и почти сразу за тем негромкое похрапывание, мы с Рином выскользнули из дома. Пришлось надеть резиновые сапоги и плащи с капюшонами, поскольку дождь и не думал ослабевать.

- Мы куда?

Рин решительно шагнул в направлении края деревни.

- ...Не в лес, я надеюсь?

- В лес тоже. Но не сейчас, - непонятно ответил он.

Мы дошли до избышки на самой окраине. Сразу за забора из прутьев начинался сосновый бор. Дверь в избу была подперта бревном, которое Рин отодвинул.

- Ты что?! Придет хозяин и подумает, что мы зашли воровать!

- Хозяин не придет. Входи, - он открыл дверь и пропустил меня в сени.

Избушка была гораздо меньше бабы-таниной: только сени и комната, половину которой занимала печь с пучками сушеных травок и грибов на ниточках. В углу висела старая икона, окруженная бумажными цветами.

- Откуда ты знаешь, что не придет? Он даже дверь не закрыл на замок. Вот-вот явится!

- С того света? - усмехнулся брат. - Хозяин умер три дня

назад. Вчера хоронили.

- Ты что?! - Я не на шутку перепугалась. - Умер? Тогда зачем мы к нему пришли? Это Ванька, да?..

- Ванька, кто же еще. Не к нему, успокойся. И не воровать. Воровать тут, кроме горшков и старого ватника, нечего. - Он стянул плащ и присел на лавку. - Раздевайся и усаживайся.

Мне очень не хотелось усаживаться в доме недавно умершего, но послушаться брата не посмела. Рин достал из кармана маленькую баночку с молоком, нашел на столе грязноватое блюдце и, наполнив его, опустил на пол рядом с печкой.

- Ты это для кошки? Хозяин умер, и некому ее накормить, бедную! - догадалась я.

- Для мышки. Тебе понравилось то, о чем рассказывала вчера подружка бабы-тети?

- Конечно. Еще бы!

- А хотела бы ты познакомиться с этим народцем?

- Как?

- Не как, а с кем. С домовым, к примеру. С лешим, с кикиморой. Как - это уже моя забота. Проще всего начать с домового, - он кивнул на угол за печкой. - Сейчас он прячется там. Приглядывается к нам, боится.

- Так это ему молоко! А если его там нету?

- А где ж ему еще быть? - пожал плечами Рин. - В доме бабы-тети домовой вряд ли живет. Там телевизор, радио, очень шумно. А главное - она не верит во все это. Она и в Бога-то не верит. А этот народец обитает только у тех, кто знает, что

они есть, что они - не сказки.

- А откуда ты знаешь, что Ванька верил?

- Предполагаю. Но сейчас ты лучше помолчи.

Я закрыла рот и постаралась дышать как можно неслышней.

- Не бойся, - тихо сказал Рин, глядя в угол за печкой. Глаза его посветлели и заискрились. - Нас не надо бояться... Мы друзья...

Сначала ничего не происходило. Затем послышался шорох, и из-за печки за вылезло странное существо. Зверек-старичок: ростом не больше меня, сгорбленный, весь заросший шерстью, больше похожей на клочья свалывшейся пыли или паутины, чем на звериную шкуру. Он стрельнул в нас желтоватыми, слезящимися от старости глазами (вместо ресниц тоже была шерсть, темнее и длиннее остальной), поднял с пола блюдце и принялся пить молоко - не лакать, как собака или енот, а именно пить, держа блюдце за донышко лохматыми пальцами.

Допив все до капли, домовый скользнул обратно за печь.

- Ты куда? - разочарованно пискнула я. - Не уходи, поболтай с нами!..

- Бойтся, - объяснил Рин. - Можно попробовать его приручить, но это долго.

Мое следующее утро началось с того, что я выклянчила у бабы Тани разрешение выходить за пределы двора. Она долго упиралась, но вряд ли искренне: думаю, ей до зеленых

чертиков надоела моя унылая физиономия и слезные просьбы развлечь.

- Только вместе с братом, и за околицу - ни-ни! - строго велела она. - И чтоб обедать приходила! И до сумерек - чтоб дома, как штык.

Это было счастье! Больше не требовалось ждать ее послеобеденного сна, не нужно было таиться. Я быстренько налила в баночку молока, в другую плеснула густой желтой сметаны, натянула плащ и была неприятно удивлена, когда Рин заявил, что не пойдет навещать домовушку. Ему, видите ли, это неинтересно.

- Так и быть, выйду с тобой из дома, чтоб баба-тетя думала, что мы вместе. Но в избушку пойдешь одна! У меня найдутся дела поважнее.

Вторым разочарованием была реакция Фили. Мне очень хотелось познакомить дожку со старенькой нечистью, подружить их, но Филия не только не слез с моего плеча, когда из-за печки выполз и припал к угощению тайный житель избушки, но затрясся и заполз за пазуху. Он покинул убежище лишь по дороге домой. Устроился под капюшоном, вцепился лапками с коготками в край уха и звонко зацокал. И в голоске чудился упрек.

Когда я поведала об этом Рину, он ничуть не удивился.

- Все правильно. Они очень разные, их не нужно сводить вместе. Сильно разные, понимаешь? Ну, как если бы один был из дерева, а другой из пластмассы.

- Из пластмассы мой Филя? - уточнила я, обидевшись за друга.

- Это я фигурально. Запомни: Филю больше таскать с собой не надо. Я запрещаю! Дома с ним играй, сколько хочешь, а за калитку не выноси.

- Почему-у?..

- Потому. Он очень нежный и чувствительный - психику ему поломаешь.

Домовушку я стала навещать каждое утро - благо козьего молока в доме хватало. Жаль только, приручался он медленно. На второй день, перед тем как скрыться в своей щели, выдал скрипучим голоском: 'Спасибо, Машенька!' Я сообщила, что зовут меня Ирой, но в следующий визит услышала ту же 'Машеньку'. Еще он пробурчал - так тихо, что еле разобрала, - что неплохо было бы к молоку добавить кашку или вареных яиц. Мои просьбы рассказать что-нибудь о себе, своем прошлом, своих сородичах - оставались без ответа. Возможно, у таких стареньких и ветхих плохо ворочается язык. Да и с памятью могли быть проблемы.

На третий день Рин встретил меня, когда я возвращалась от домовушки, и потащил в лес. Завел в ельник, такой густой, что слой иголок под нижними ветвями был сухим - дождевки на него не попадали. Усадил в это подобие шатра, а сам вышел на открытое место, откинул с головы капюшон и звонко позвал:

- Дяденька Леший, хозяин лесной, выйди-покажись!

И Леший показался. Он был такой огромный - ростом с ель, что я сжалась в своем укрытии, стараясь слиться с иглами и стать незаметной. А Рин ничуть не испугался. Говоря по правде, кроме величины, в Лешем не было ничего зловещего: ни длинных клыков и когтей, ни красных горящих глаз. Глаза были зеленые, круглые, без бровей и ресниц. Седая борода с прозеленью, напоминавшая древесный мох, спускалась до колен. Из нее выглядывали маленькие птички и пугливые мышки. На Лешем был старинный кафтан и кроссовки, надетые неправильно: левая на правую ступню и наоборот, отчего носы смешно смотрели в разные стороны. Лесной хозяин оглядел Рина с головы до ног, почесал бороду и хмыкнул насмешливо. И исчез в струях дождя.

- Он самый главный в лесу, - объяснил брат, протиснувшись в мое укрытие. - Потому и важничает.

- Такой огромный!..

- Ты плохо слушала Маруську. Он в лесу огромный, рядом с деревьями. А на открытом пространстве становится маленьким.

- И еще он злой!

- Злой? Нет, пожалуй. Хитрый, лживый, игривый. Самый злой... - Брат на две секунды задумался. - Наверное, Водяной.

Каждый день Рин знакомил меня с кем-то из нечисти. То, о чем рассказывала разудалая Маруська, становилось явью: видимой, слышимой, даже осязаемой (если нечисть разре-

шала себя потрогать). В иные дни знакомств было не одно, а два-три.

В камышах, растущих по берегам озера, в которое впадала Грязнуха, жили шишиги. Вид у них был не слишком милый: величиной с кошку и очень пузатые. Лапки же, наоборот, костлявые и скрюченные, похожие на конечности насекомых. Шишиги были невероятно прожорливы. В свои большие беззубые рты, напоминавшие края полиэтиленового пакета, они забрасывали все подряд: ягоды, грибы, камышинный пух, улиток, рыбок. Когда Рин ради шутки протянул им валявшийся на тропинке старый сандаль, проглотили и это. Шишиги смешно перекатывались по траве, прижав к телу ручки и ножки, превращаясь в мохнатые мячики. Еще они умели, нырнув в воду, пускать огромные переливчатые пузыри.

Крохотные лесавки, обитавшие в хижинах из прошлогодней листвы, суетливые, как мыши-полевки, постоянно пищали. Шерсть - как пух только что вылупившихся птенцов, глаза - маленькие и бирюзовые. Черные кожаные носики непрерывно двигались, как и пальцы, в которых они держали спицы из еловых иголок. Что именно они вязали, носки или шапочки, рассмотреть было невозможно - настолько мелкими были изделия.

В озере, как выяснилось, жили не только пузатые шишиги, но и Русалка. Она оказалась пугливой или терпеть не могла людей, и мы видели ее мельком: высунулась из камышей

голова - то ли облепленная тиной, то ли заросшая зелеными, свисавшими, точно пакля, волосами. Мигнули глаза - две влажные изумрудины, усмехнулись бескровные губы. Плеск хвоста - и Русалка ушла под воду, к себе домой. Напрасно Рин, стоя на берегу, звал ее и убеждал не бояться - только промок больше прежнего.

Их было много - тех, о ком поведала разговорчивая Маруська, а Рин призвал к жизни. Луговички, кикиморы, болотницы, жердяи... Правда, разговаривать с нами на человеческом языке никто не пожелал. За исключением Ауки - младшего брата Лешего. Этот старичок сперва пытался заманить нас вглубь леса, выкрикивая звонко и жалобно, как заблудившийся ребенок: 'Ау! Ау!..' А когда Рин, разгадавший его хитрость, стал кричать в ответ: 'Ау, Аука! Выходи - не прячься, не бойся!' - вышел из кустов и подошел к нам, под развесистые ветви ясеня, где мы прятались от дождя.

Он был очень похож на Лешего, только нормального роста, и борода не до колен, а до пояса. В ее зарослях жила суетливая белка. Поначалу Аука доброжелательно поведал, что белка служит на побегушках, а также очищает от скорлупы орехи, помогая его старым зубам. А потом вдруг разгорячился и рассердился и принялся поносить 'неразумное и жадное людское племя':

- Вы, люди, идете на нашего брата войной! Леса вырубаете, реки мутите, болота осушаете!.. Куда ни взглянешь - все разорено, порублено, перерыто. Чтоб вам пусто было - чело-

веческому народу!..

Я не на шутку струхнула. А Рин остановил бурную речь одной фразой:

- Ты прав, старик, во всем прав.

Аука покосился на него разгоревшимися, как у кошки ночью, глазами, шумно фыркнул, топнул об землю ногой в неправильно одетом шлепанце и исчез.

Из своих увлекательных прогулок мы возвращались когда к обеду, а когда и к ужину, промокшие насквозь, несмотря на плащи и капюшоны. Баба Таня, ворча, но втайне радуясь нашим оживленным и веселым лицам, развешивала гирлянды носков и рубашек у заранее протопленной печки.

И однажды дождь кончился! Иссяк, выдохся, ушел. Проснувшись от солнечных лучей, ласкавших лицо, мы с Рин-ом встретили новый день ликующим воплем.

Конечно, первым делом мы помчались на Грязнуху. К сожалению, Филю взять с собой брат не разрешил. Но все равно мы вволю побарахтались в мутно-зеленой воде. Я даже научилась плавать! Оказывается, главное в этом деле - ничего не бояться и не дергаться.

Набултыхавшись и обсушившись на солнышке, мы побрели вдоль берега. Рин остановился у круглой заводи, вода в которой была не зеленой, а черной. Желтые кувшинки и белые лилии своей красотой подчеркивали таящуюся под ними тьму и холод.

- Здесь живет Он...

- Водяной? - Я тут же вспомнила слова брата, что он самый злобный из всех. - Рин, пожалуйста, не зови его!..

- Не трясись. На берегу он нам ничего не сделает.

Рин пристально уставился в самую сердцевину омута. Губы зашевелились в беззвучном шепоте, в посветлевших глазах зарябили искристые волны.

- Рин-ин... Пожа-ауиста, мне страшно...

- Заткнись.

К моему великому облегчению, Водяной к нам не вышел. Лишь забурлила вода, и в ее толще смутно проявилось что-то лохматое и тянущееся - то ли волосы, то ли водоросли. Еще почудился тяжелый взгляд из-под нависших бровей (или водорослей). Все это продолжалось лишь несколько секунд, и снова гладь омута стала черной и непроницаемой.

- Это из-за тебя, - зло бросил брат. - Из-за тебя он не захотел показаться. Трусиха!..

- Рин, если бы он показался, я бы никогда больше не смогла купаться в Грязнухе! И без того теперь буду бояться залезать в воду...

- Не будешь. Больше ни разу в нее не залезешь.

- Почему?!

Брат не ответил. Он выглядел очень усталым. Он всегда уставал после своих чудес, я к этому привыкла, но в этот раз особенно. Рин раскинулся на траве навзничь и тяжело дышал, прикрыв веки. Не решаясь беспокоить расспросами, я тоже улеглась, наблюдая за облаками и покачивающимися

над лицом травинками.

- Пошли!

Голос был бодрым, но каким-то ожесточенным.

Я послушно вскочила. Всю обратную дорогу мы молчали, и только когда показались первые избы, я осмелилась спросить:

- Мы ведь и завтра туда пойдем, правда? Я не буду бояться плавать: только к омуту подплывать не стану.

- Нет.

- Но почему?!

- Завтра приедут родители и заберут нас отсюда.

- Откуда ты знаешь?

Он промолчал.

- Ты не можешь этого знать, ты врешь! Врешь!.. Не буду с тобой разговаривать.

Брат лишь пожал плечами.

Всю оставшуюся часть пути я тихонько плакала, прощаясь с летом, с речкой, с чудесными существами. Что бы я там ни вопила, в глубине души знала: Рин прав. Он не может ошибиться.

Баба Таня, встретившая нас у калитки с грозно открытым ртом, готовая к громам и молниям по поводу пропущенного обеда, взглянув на мое зареванное лицо, осеклась.

- Родители телеграмму прислали. Завтра забирают назад.

Она устало махнула рукой и прошаркала тапочками в дом.

Еще горше стало вечером, когда брат велел отнести на

чердак Филю. На все мои слезы и мольбы повторяя, что место дожди - здесь и в город его брать нельзя. Я упиралась, и меня потащили на чердак силком. Там неожиданно стало легче - когда все пушистики, вместе с Филей, окружили меня разноцветным облаком и тихонько зацокали, запели - без слов, но что-то грустное и красивое.

На следующий день приехал папа. Он переговорил с бабой Таней, вручил ей белый конвертик и велел нам укладывать вещи. Я собралась накануне, поэтому успела слетать к избушке на краю деревни. Задыхаясь от бега, извинилась перед домовушкой, что ничего не принесла ему в этот раз, и настоятельно велела перебираться в дом бабы Тани. Пусть она смотрит телевизор и не верит в него, ну и что? Зато она добрая, и кошке Дуне наливает столько молока, что Дуня вполне может поделиться.

Домовушка ничего не ответил, только поморгал слезящимися желтыми глазами и скрылся в своей щели. Даже не назвал 'Машенькой'...

Прощаясь с бабой Таней, я разревелась, уткнувшись лицом в передник, а она гладила меня по голове, утешительно бормоча, что это не насовсем и мы еще приедем к ней следующим летом. Но я знала, отчего-то знала точно, что не приедем больше никогда.

Рин же лишь кивнул бабе Тане, буркнув что-то неразборчивое, и первым запрыгнул в машину.

Слезы не оставляли и в пути. Чтобы не слышать моего

нытья, папа включил погромче 'радио Шансон' и все дорогу с нахмуренной и важной физиономией глядел прямо перед собой. А брат казался ничуть не расстроенным и даже подпевал и подергивал ногой в такт веселым песенкам.

Моя комната за время отсутствия стала просторной и уютной. Сил на слезы и истерики уже не было, поэтому, сидя в одиночестве на полу среди кубиков и игрушек, я тихонько подвывала, ощущая себя самым несчастным существом на свете.

- Ревешь?

Рин просунул в дверь голову. Это было неожиданно - никогда прежде он не заходил в мою девичью светелку.

- Знал бы ты, как мне дожек жалко!.. И домовушку.

- Глупая, - он вошел целиком. - Дожки там дома. Здесь им было бы плохо. Они бы болели и грустили. Их бы вместе с пылью в пылесос всосали!

- Мне тоже плохо без моего Фили. Я тоже буду болеть от горя.

- А знаешь, - брат присел рядом со мной на ковер и зажмурился, - дожки, конечно, могут жить лишь там, где природа, где рядом лес и вода. Всякая нечисть - тем более. Но есть существа не менее сказочные, но городские. Их зовут... - Он задумался на мгновение. - Их зовут госки.

Рин распахнул глаза. По радужкам разбежались зеленоватые волны, в которых прыгали светлячки. И я уже этого не боялась...

Игры с тенями

Мы дружили. Правда, в его понимании этого слова.

Рин был не по-детски самодостаточен и ни в ком не нуждался. Я же привязалась накрепко. Брат мог не разговаривать со мной неделями, и не потому, что мы были в ссоре: просто увлекшись чем-то своим, куда мне не было доступа. В такие времена я ходила снулая и потерянная. Знала, что трогать его нельзя - чревато большими неприятностями. Самой же занять себя было нечем. Точнее, все возможные занятия и развлечения казались пресными - в сравнении с тем, что мог придумать Рин.

Когда же брат одаривал меня вниманием, следовало беспрекословно ему подчиняться и соблюдать множество негласных правил. Главное было таким: 'Я всегда прав, и даже если я говорю, что земля не круглая, а имеет форму чемодана, ты должна не возражать, а безоговорочно верить. Иначе - катись на все четыре стороны'.

Подобное положение вещей жестко дисциплинирует. Зато и воздавалось мне с лихвой. Вряд ли у кого-то еще было столь яркое и необыкновенное детство, какое повезло иметь мне. Я бы многое могла рассказать. О том, что если научиться пить солнечный свет, по вкусу напоминающий лимонный сироп, смешанный с солью и мятой, то в процессе питья сам начинаешь светиться - так, что в темной комнате рядом с то-

бой можно читать... И о том, что, если оживить ненадолго снежную бабу, она будет играть с тобой в салочки, смешно переваливаясь на своих шарах и то и дело теряя нос-морковку... И о многом другом.

Но рассказ обо всем получился бы толщиной с 'Войну и мир', и читатели устали бы удивляться и повторять то и дело: 'Так не бывает', 'Это немыслимо!' Поэтому (и еще потому, что мне жалко своего времени) поведаю лишь о самых запомнившихся чудесах. Например, об игре с тенями.

Мне было в то время девять лет. Год назад наши родители неожиданно разбогатели. Тогда было странное, особое время - кто-то резко богател, а кто-то, наоборот, исследовал помойки, чтобы не умереть с голода.

Из квартиры мы переехали в особняк на окраине, среди таких же особнячков в окружении подстриженных газонов. В новом доме было целых три этажа и множество комнат. Обои нянь сменили воспитатели и гувернеры.

Мама перестала ходить на службу, но интереса к собственным детям у нее не прибавилось. Когда мы случайно сталкивались - в холле, гостиной, на лестнице - она в первый момент терялась, будто не знала, что полагается делать в таких ситуациях. Затем принимались поправлять мне бантик или заколку, задавать необязательные вопросы, не требующие ответов: о самочувствии, настроении, съеденной накануне пище. В такие моменты мне хотелось провалиться сквозь начищенный паркет от неловкости и стыда.

Папа в подобных случаях поступал проще (и честнее): важно кивал, словно шапочному знакомому, и шествовал мимо. Правда, он - надо отдать ему должное - подробно расспрашивал гувернеров о моих с Рином достижениях и промахах, достоинствах и пороках. (Бедняги трепетали при этой еженедельной процедуре.) Как правило, папа оставался недоволен их профессионализмом, и наемные воспитатели часто менялись. Я не успевала толком ни привязаться - и хотя бы от чужой тетеньки получить столь недостающее тепло, ни невзлюбить. Детская малограмотная няня и баба Таня из глухой деревушки вспоминались с чувством щемящей потери.

Рину, как мальчику и первенцу, родительского внимания доставалось больше. Папа порой беседовал с ним, вразумляя и наставляя. Но и это было искусственным, не настоящим. Не раз я видела брата выскакивавшим из папиного кабинета с выражением величайшего облегчения на физиономии.

Мы оба были предельно одинокими маленькими зверенышами. До сих пор, будучи давно взрослой и рассудительной, не могу ответить себе на вопрос: зачем наши родители завели детей? Из стадного чувства? Чтобы как у всех? Чтобы кто-то заботился в старости?..

Итак, я ходила тогда в третий класс и уже год - с тех пор как перешла в новую престижную школу, имела настоящую подругу. Звали ее Аленкой. А обзывали Тинки-Винки - за сходство с телепузиком. Я жалела, что мы виделись только в

школе и я не могла позвать ее в гости: родители имели не тот социальный статус (как объяснила очередная гувернантка). Рин отчего-то Аленку на дух не переносил, называя толстой и глупой, как подушка.

Очередное 'бойкотирование' меня братом выпало на осенние каникулы. Мне было так одиноко и скучно, что я решила нарушить негласный запрет и напомнить о своем существовании. Тем более что, на мой взгляд, он был ничем не занят и скучал, как и я, почти не выползая из своей комнаты.

Я поймала его за рукав, когда он спускался на завтрак.

- Рин, ты очень занят?

- Очень!

- Пожалуйста, поиграй со мной - а то мне совсем нечего делать!

- Отстань, Рэна, не до тебя! - Он раздраженно дернул плечом, пытаясь стряхнуть мои пальцы.

- Отстану, - я была цепкой, - только скажи, чем мне заняться. А иначе, - я выдала самую страшную из своих угроз, - я зареву!

Брат брезгливо поморщился и разогнул мои пальцы по одному.

- Слушай, найди себе какое-нибудь развлечение, а? С тенью поиграй, что ли!

- Я тебе что - котенок, с тенью играть? Тени же ничего не умеют - только движения повторяют. Это скучно!

- А ты мою тень возьми. Она явно поумнее твоей будет!

С этими словами он перемахнул сразу через три ступеньки и ворвался в столовую, оставив меня в недоумении.

- А как? Как мне ее взять - я ведь не умею! - крикнула я вдогонку.

Ответа я не удостоилась. На протяжении всего завтрака Рин строил мне ехидные рожи, игнорируя бубнеж гувернера, а, выходя из столовой, смилостивился:

- Бегом в твою комнату!

Плотно прикрыв дверь, брат выдал лаконичную инструкцию:

- Значит, так. Надо встать на нее обеими ногами и сказать: 'Пойдем со мной!' А потом - чтоб я тебя больше не видел! По крайней мере, в ближайшие десять дней.

Не переспрашивая и не уточняя, я поспешно сделала, как он велел: встала обеими ступнями на тень от его головы и, запинаясь от волнения, выкрикнула: 'Пойдем со мной!' Рин коротко хохотнул и испарился.

Две тени лежали у моих ног: моя собственная и брата. Обе не шевелились - разве что моя чуть подрагивала.

- Ну, и что мне теперь делать? Как с тобой играть?..

Я сошла с пойманной тени и присела рядом на корточки. И тут темный силуэт на ковре зашевелился, подернулся рябью. Я опасливо огляделась по сторонам. Хотя знала, что бояться нечего: моя гувернантка должна была придти только вечером, а родителей нет дома. Да и будь они дома, что им делать в комнате единственной дочери?..

Тень Рина, пока я разведывала обстановку, продолжала меняться. Она уплотнилась и вспучилась, и напоминала теперь мешок из жесткой ткани в форме человеческого тела. Затем стала приподыматься, приобретая все большую схожесть с человеком. И вот передо мной ('как лист перед травой!') встал мальчик, по виду ровесник Рина, но ни капельки на него не похожий. Короткие светлые волосы, блестящие и аккуратно причесанные, снежно-белая рубашка, на черных брюках со стрелками, как у взрослых, ни единой пылинки. Да еще ботинки, начищенные до зеркального блеска. Просто маленький лорд или принц!

- Здравствуйте!

- Привет!

Я слегка опешила от вида тени Рина. При любом раскладе не могла представить ее такой: белобрысым отутюженным ангелочком.

- Вас ведь зовут Ирина? Приятно познакомиться! - Он церемонно протянул ладонь.

Я пожала ее и зачем-то присела в реверансе.

- Я вас часто видел. Правда, с иного ракурса.

- Очень приятно, - невпопад бросила я. И покраснела: - В смысле, познакомиться.

- Я могу составить вам компанию. Я знаю множество игр и развлечений.

- Это хорошо! Только давай на 'ты', а то непривычно как-то.

Он задумался, наморщив лоб. Затем неохотно кивнул.

- Мне как раз на 'ты' непривычно, но ради нашего знакомства постараюсь.

Я потащила его в угол с игрушками. Он шел медленно, глядя себе под ноги и аккуратно переставляя ступни в сверкающих ботинках. А я - вприпрыжку, переполненная радостным возбуждением.

Но очень скоро мой энтузиазм поутих. А часа через два свело скулы от скуки. Маленький лорд (он попросил называть себя Таниром) оказался на редкость занудным. Он отверг все предложенные мной варианты развлечений. Его заинтересовал лишь старенький, доставшийся от папы альбом с марками. Танир принялся листать его, рассказывая о каждой стране, откуда была марка, причем вещал такую нуднятину, что слушать без спазмов зевоты - которую я прилично прикрывала ладошкой, было невозможно.

Когда мне растолковывали принципы государственного устройства Уганды, в дверь заглянула горничная и позвала обедать. Я испугалась, что гость вызовет ненужные расспросы, но она отчего-то даже не посмотрела в его сторону.

Весть об обеде обрадовала, и не только из-за голода: возник предлог улизнуть от маленького 'профессора'. Я вежливо поинтересовалась, не принести ли ему что-нибудь с обеденного стола: фрукты или сладости. А может, парочку бутербродов?

- Большое спасибо. Но не стоит утруждать себя: я вполне

могу обходиться без пищи.

Я была настолько измочаленной, что почти не могла жевать (даже любимое малиновое желе со взбитыми сливками). Будь я лет на десять постарше, определила бы случившееся примерно так: 'Надо мной изрядно надругались, в жесткой форме изнасиловав мой мозг'.

Рин, как назло, на обед не явился. Такое случилось: когда он не желал никого видеть, пробирался на кухню и насыщался там, пользуясь расположением кухарки. Мне пришлось изрядно побарабанить в его дверь, пока он не удосужился открыть. Взъерошенный, с кривой от злости физиономией, брат открыл рот, но я затараторила первой, стараясь как можно быстрее передать суть проблемы, пока он не обрушил на меня свои молнии:

- Рин, не сердись, я знаю, что виновата, только очень тебя прошу! Хочешь, буду за тебя уборку в комнате делать или половину карманных денег отдавать - только убери его куда-нибудь! Он такой скучный, такой зануда - сил моих больше нет!

Выпалив это, я улыбнулась как можно умильнее.

- Моя тень - зануда? - грозно переспросил брат. - Ответишь за оскорбление!

Я непритворно задрожала.

- Не сердись, Рин, я не хотела тебя обидеть! Он совсем-совсем на тебя не похож!

Тут я заметила, что гнев наигранный. Брат расхохотался.

- Странно, если бы было не так! Если б он предложил тебе убежать в Южную Америку или разобрать по винтикам часы в гостиной. Значит, он оказался жутко скучным?

Я закивала, да так, что зазвенело в ушах.

- Да-да-да! Ты не сердисься? Ты его куда-нибудь сплывишь?

- Сплывь сама. Не маленькая.

- А как?

- Проще простого: положи руку ему на плечо и скажи, чтобы он возвращался, откуда пришел. Только поостороже!

- И все?

- И все.

- Спасибо! - Я расплылась в широчайшей улыбке.

- Не за что. Кстати: в этом доме не у меня одного есть тень! - Рин подмигнул, а затем нахмурился. - И не испытывай больше моего терпения, поняла? Насчет карманных денег - неплохая идея. Обсудим ее попозже.

Сплавить мистера Зануду удалось без труда. Вылизанный ангелочек не выразил протеста - ни звуком, ни словом, когда я шлепнула ладошку на его плечо и, строго глядя в зрачки, потребовала:

- Возвращайся к своему хозяину! Быстро!

Он вежливо попрощался, бесшумно упал на пол, поерзал какое-то время, превращаясь в тень, и выполз из комнаты сквозь щель под дверью. А я, ликуя, изобразила индейский боевой танец.

И в тот же день приступила к экспериментам.

Тень моей гувернантки, которую я присвоила, прощаясь с ней после урока французского, оказалась разбитной леди в джинсовых шортах и ярком топике. Она начала с того, что соорудила на моей прилично-прилизанной голове сногшибательную прическу из сорока косичек, а потом учила играть в покер и танцевать джигу. С ней было здорово.

А вот тень кухарки, выцарапанная тайком за шумом соковыжималки, оказалась на редкость желчной и злобной худющей каргой, и я прогнала ее спустя несколько минут.

В первые же дни я заметила несколько особенностей, связанных с этими существами. Во-первых, напрасно я поначалу боялась, что кто-то из домашних наткнется на моих гостей и возникнут проблемы. Их никто не замечал! И родители, и прислуга проходили мимо, а тени, в свою очередь, воспринимали это как должное. За исключением Рина - он кривил иронично рот, сталкиваясь с кем-либо из этой публики в холле или коридоре.

Кожа у теней была прохладной - не холодной и противной, как у лягушек, и не теплой, как у людей - а где-то посередине, и касаться ее было приятно. Они совсем не походили на своих хозяев, больше того, резко от них отличались - и внешне, и характером.

Но был и огорчительный момент: если я засыпала, не прогоняя тень, за ночь она исчезала сама и больше не возвращалась. Как я ни звала, как ни наступала на силуэты тех,

кто особенно пришелся по душе, тени оставались плоскими и темными, покорно повторяющими движения хозяев и не реагирующими на мои страстные призывы.

Однажды мне удалось подкараулить маму. Как я уже говорила, мы редко видели родителей - обычно они возвращались домой (из театра, клуба, презентации), когда нам с братом полагалось лежать в кроватях. Я подловила ее на пороге гардеробной, где мама прихорашивалась перед визитом в гости. Нарядная, вся в скрипучем шелке и искрящихся драгоценностях, она рассеянно коснулась моего лба губами и бегло поинтересовалась успехами во французском. А я опустила глаза (ступни были точно в нужном месте) и прошептала волшебные слова. И тут же на паркете затанцевала рябь, и заветная тень, огромная и ценная, как золотая рыба, оказалась в моем полном распоряжении...

Она получилась красивая. Очень. Светло-русые волосы и рыжие смеющиеся глаза. Моя мама - настоящая, тоже была красивой, но не так: черты лица мелкие и правильные, почти нет мимики - чтобы не образовывались морщинки. У мамы-тени правильного в лице было мало, но вся она была такая милая, что хотелось любоваться и любоваться. Ни косметики, ни украшений, простая льняная рубашка с синей вышивкой в виде васильков и джинсы с заплатками и бахромой - но глаз не отвести...

- Здравствуй!..

Выкрикнув это, она со смехом увлекла меня в мою комна-

ту. А там подхватила подмышки и закужила. Легко, играючи, хотя девятилетняя девочка, пусть и вполне стройненькая, это вам не пушинка. Лишь когда я зацепилась ногой за книжную полку, и она с грохотом рухнула на пол, меня отпустили.

Мельком взглянув на рассыпанные книги, тень мамы бесшабашно махнула рукой.

- Пусть! Им так веселее.

- Книжкам? - уточнила я.

Она кивнула.

- Книжкам-мартышкам! А также девчонкам Иришкам.

Спасибо тебе!

- За что?

- За то, что позвала, и мне теперь не придется идти на эту скучную вечеринку! - Она поцеловала меня в макушку, и поцелуй, живой и щекочущий, совсем не был похож на дежурный мамин. И еще от нее восхитительно пахло, но не духами или туалетной водой, а медом и сосновыми иголками, и еще пылинками, кружащимися в лучах солнца. - У Изабелки всегда на редкость уныло и чопорно. Все такие важные, надутые - ни одного живого или умного лица! Только и развлечений, что представлять этих лощенных леди и джентльменов внезапно попавшими в густые джунгли, или превратившимися в тех зверей, на которых они похожи.

У меня кружилась голова - но больше от радости, чем от долгого верчения в воздухе.

- А что мы будем делать?

- Мы возьмем папу и пойдем все вместе гулять!

- Папу?.. - Перед глазами встал мой родитель, столь же далекий от меня, как гора Килиманджаро. В данный момент, он, верно, сидит в своем кабинете и читает газету или раскладывает пасьянс на мониторе, ожидая, пока мама наложит последние штрихи перед выходом в свет. - Он не пойдет с нами! - Я твердо покачала головой.

- Глупенькая, мы возьмем не того папу. А такого, как я!

Она подмигнула мне, да так задорно, что я расхохоталась и подмигнула в ответ целых три раза.

- Ну да, какая же я дуручка! Конечно же, мы возьмем не того папу, а твоего!

С семьей и домом, как я уже рассказывала, у меня было далеко не прекрасно. Нет, на посторонний взгляд все отлично: мы с братом одеты-обуты, учимся в лучшей школе плюс репетиторы-гувернантки, игрушки самые новые и дорогие, каникулы то на Канарах, то в Альпах. Но то было глянцевой обложкой на книжке, где преобладали пустые страницы, изредка заполненные дежурными фразами.

В раннем детстве я особенно остро ощущала эту пустоту и собственную ненужность двум людям, подарившим мне жизнь. В три года у меня появилась привычка подбирать вещи родителей, которые они забывали то тут, то там, и прятать в свой шкафчик. Я даже выделила для них полку. Помню, в этой коллекции были мамины помада и шарфик, па-

пины солнечные очки и запонка. Няня знала о моем тайнике, но воспитательных мер не предпринимала: догадывалась, что невинное воровство проистекает из одиночества. Когда становилось совсем грустно, я доставала какую-нибудь вещичку и разговаривала с ней, словно с живой мамой или живым папой.

Потом я подросла и оставила эту глупую привычку, но со-
сущее чувство одиночества не проходило. Я страстно завидовала Тинки-Винки: после занятий в школьном вестибюле ее ждала мама, толстая и заботливая, в чьи объятия она нес-
лась с радостным воплем. Меня же встречал неразговорчи-
вый шофер на мерсе цвета мокрого асфальта.

Поэтому несложно представить, что я испытывала рядом с женщиной, которая смотрелась как самая смелая и завет-
ная мечта о маме. От счастья у меня вибрировали кончики
волос и ресницы. Переполняла, выросшая на дрожжах лико-
вания, столь мощная и бурливая энергия, что, казалось, могу
взлететь и макушкой пробить потолок.

Когда мы проходили мимо комнаты брата - вприпрыжку,
держась за руки, как задушевные подружки, - дверь откры-
лась, и Рин выскочил в коридор. Думаю, так получилось не
случайно - мой залиvistый смех разносился по всему дому.
Столкнувшись с нашей парочкой нос к носу, брат пару мгно-
вений рассматривал мою гостью, затем перевел взгляд на ме-
ня и выразительно повертел пальцем у виска.

- Совсем сбрендила!..

Ответить я не успела - развернувшись, он понесся в противоположную от нас сторону.

- А он редкостная бука! - заметила мама в удалявшуюся спину и скорчила забавную рожицу.

Я в ответ фыркнула, но негромко, чтобы Рин, не дай бог, не услышал.

- Но при этом - совершенно необыкновенный! - Она возвела глаза к потолку. - Фантастика! Просто супер. Уродится же такое!..

- Раз в миллион лет! - радостно согласилась я.

Тень папы (я раздобыла ее в прихожей, когда настоящий папа неторопливо облачался в пальто перед зеркалом) оказалась не менее классной: великан под два метра ростом с золотым кольцом в ухе и громоподобным смехом. Он весь зарос курчавой светло-рыжей бородой и смахивал на пирата. Я даже струхнула в первый момент. Но мандраж быстро улетучился: такой он был веселый и добродушный. Облачением служили широчайшие атласные штаны алого цвета и безрукавка, расшитая серебром.

- Ну что, мои любимые и золотые, - он обхватил нас с мамой огромными лапищами и плотно прижал к себе и друг к другу, - куда вы хотите, чтобы я повел вас?

- В зоопарк! - Я выпалила, не колеблясь ни секунды. - Я там ни разу еще не была! За все мои девять лет.

- Кошмар! - Мама сочувственно присвистнула. - И я знаю, чем это мотивировалось.

- Мне говорили, что там антисанитария и микробы, и я очень хочу на них посмотреть.

- На микробов?! - Она рассмеялась. - Глупыш, они такие маленькие, что их не видно.

Хотя папа разжал свои медвежьи объятия, она по-прежнему прижималась к нему, уткнувшись щекой в безрукавку, а он, с очень довольной физиономией, тихонько дул ей на макушку со светло-русый хохолком.

- Я знаю, я пошутила. Я начитанная девочка.

- Тогда лучше в цирк, - пробасил папа. - Там их тоже предостаточно. А еще, специально для начитанных девочек, там клоуны и воздушные гимнасты. А главное - зверюшки не такие несчастные, как в клетках зоопарка. Они там бегают, прыгают и кувыркаются.

- В цирке звери тоже несчастные, - возразила мама, трянув головой. Хохолок мазнул папу по носу, и он чихнул. - Не по своей воле они прыгают и кувыркаются! Смотреть на счастливых зверей надо в Африке. Махнуть в заповедник или национальный парк.

- Ух, ты! - Я повисла на папином локте, заболтав ногами. - Пожалуйста, махни нас в Африку! Ты ведь сможешь!

Папа поднял локоть до уровня своей головы, и я оказалась высоко от пола. Ноги раскачивались, как качели.

- Нет, малышка-Иришка.

- Сможешь, сможешь, сможешь!..

Папа осторожно поставил меня на пол. А мама погладила

по голове, словно утешая.

- Они, пожалуй, смогли бы. Вместо того чтобы в третий раз на Кипр или в Париж, свозили бы детей разок в Африку. Но не мы, нет.

Пронесся сквознячок грусти, но я не позволила себе поддаться ему. Нет так нет! И без того замечательного - через край.

В конечном итоге в цирк мы не пошли: я вспомнила, что другие люди не смогут их увидеть, и потому кассирша не продаст билетов. И что же, все представление стоять? Или усядемся втроем на одно место? Мои доводы признали разумными, и мы отправились просто гулять.

Был хмурый ноябрьский день - из тех, когда небо серое и деревья тоже, а грязи под ногами еще далеко до льда и снега. Но мне казалось, что светит солнце и всюю заливаются птицы.

Мы играли в города и в животных. И в смешную игру 'кто на что похож'. Мама загадала Рина, а мы с папой должны были отгадать, задавая вопросы: на какое животное он похож? На какой напиток? На какого сказочного героя?.. Я отгадала первая, завопив: 'Ри-и-ин! Братик!', когда мама сказала, что из сказочных героев он смахивает на Конька-горбунка.

Потом папа пересказывал в лицах мифы Древней Греции и Скандинавии. Когда он рычал за Циклопа, лаял за Цербера и клацал зубами за волка Фернира, мы с мамой сгибались и катались от хохота. У меня даже разнылся живот и заболели

челюсти. А вот прохожие посматривали на нас с ужасом и старались держаться подальше.

Утомившись, мы плюхнулись на лавочку у пруда. Я сидела посередине и кидала куски булки плавающим уткам и селезням. Мама и папа переглядывались над моей головой. Они так смотрели друг на друга! Старались коснуться невзначай то рукава, то щеки. Настоящие папа и мама никогда так не делали. Они разговаривали между собой негромко и вежливо - если рядом были мы, дети, или прислуга, или гости, но порой из их комнат доносились слова на повышенных тонах. Мамин голос становился похожим на визг кофемолки, а папин - на рычание машинки для стрижки газона. Но главное: никогда обращенные друг на друга глаза не светилась...

Меня так поразил этот момент, что я решилась задать взрослый вопрос.

- Понимаешь, Иришка-мартышка... - Мама убрала прядь, выбившуюся у меня из-под шапочки. Она немного нервничала. Папа кашлянул, приготовившись заговорить, но она предупреждающе подняла руку. - Мы всего лишь тени, и не можем влиять на решения и поступки своих хозяев. Хотя порой хочется. Думаю, Ларисе и Константину не следовало жениться, связывать свои судьбы и, тем более, заводить детей. Нет, в самом начале у них было что-то вроде взаимной симпатии и даже влюбленности. Но это быстро прошло: даже ты не успела родиться. Они живут вместе, потому что так удобнее: не надо делить имущество, втягиваться в судебные

процессы. Но они давно чужие люди, хотя и скрывают это, изображая на людях счастливый брак.

- А у нас наоборот, Иришка-симпатишка, славная малышка. Мы очень любим друг друга. Хотя поначалу не питали сильных чувств. Присматривались, привыкали, узнавали, - папа говорил со мной доверительно, как со взрослой, и это очень подкупало. - А как узнали - поняли, что жить друг без дружки уже не сможем.

- Но мы зависим от своих хозяев, - вздохнула мама. - А они редко теперь бывают вместе наедине. Поэтому и мы с папой видимся очень редко. И так радуемся этим встречам!..

Они снова переглянулись. Глаза мамы были полны грусти и нежности.

- Бедные вы, бедные!.. - Я взяла ее тонкие прохладные пальцы и скрестила с папиными, большими и жестковатыми - на своих коленях.

Мы молчали, все трое. Папа напевал под нос что-то пиратское. Мне было невысказанно хорошо.

- Я хочу, чтобы так было всегда.

Мама поцеловала меня в висок, а папа горячо и крепко пожал ладошку.

Они ничего не ответили на мои слова, и тревога закралась в сердце. С каждой минутой она усиливалась, и я уже не могла беспечно отвечать на их шутки, смеяться и озорничать.

Почувствовав перемену в моем настроении, они тоже притихли. В сгустившихся сумерках мы вернулись домой.

Переступив порог своей комнаты, я уже не могла сдерживаться.

- Вы никак-никак не сможете со мной остаться?..

- Нет, родная, - папа поднял меня на руки и стал тихонько покачивать, как маленькую. - Нам бы очень хотелось этого, но не мы придумали законы нашего мира, и не нам их нарушать. Мы уйдем, когда ты заснешь.

- Значит, сегодня я не буду спать, и завтра тоже, и послезавтра. Никогда больше не буду!

- Маленькие девочки должны спать, - мама смотрела на меня так любяще и так грустно, что разрывалось сердце. - Если долго не спать, можно сойти с ума.

Лицо ее туманилось и расплывалось: глаза в линзах слез видели все хуже

- Пусть я сойду с ума, пусть, пусть! Зачем мне ум, если вас у меня не будет?..

Папа осторожно опустил меня на кровать.

- Ум тебе еще пригодится. Маленькие девочки вырастают...

Он не договорил, потому что в комнату без стука вошел Рин.

- Почему самое твое любимое занятие - сидеть и реветь?!

Он даже не повернулся в сторону мамы и папы.

- Ты можешь сделать так, чтобы они остались?

- Он не может, - ответила за брата мама. - Это даже ему не под силу.

- А вас не спрашивают! - Рин говорил очень зло, и я опешила. Нет, он никогда не отличался вежливостью, но хамить просто так людям, которые не сделали ему ничего плохого? Да еще таким родным, таким замечательным... - Зачем вы показали ей, как бывает в нормальных семьях, где родители любят детей? Неужели не могли притвориться - сыграть равнодушных или злых? Ведь она теперь зачахнет с тоски.

- И правильно сделали! - ринулась я на защиту самых любимых людей. - Лучше прожить так один день, чем вообще никогда. А ты злишься, потому что понял, какой ты дурак! Ведь ты мог пойти гулять вместе с нами. Было так здорово!..

- Это ты дура. С завтрашнего дня запрещаю тебе играть с теньями. Так и быть, придумаю что-нибудь новенькое, чтобы не проела мне плешь своими приставаниями.

- Не надо мне от тебя ничего!

Но выкрикнула я это уже в захлопнувшуюся дверь. И рыдалась в голос.

Мама гладила мою вздрагивавшую спину (лицо я уткнула в подушку), а папа мерил рассерженными шагами параллели и меридианы комнаты.

- Не стоило им вообще детей заводить!..

- Тише! Не при ней же, - шепнула мама укоризненно.

Но папа продолжал бушевать:

- Мальчишке-то что, он и в семье бомжей чувствовал бы себя комфортно, а вот Иришку жалко! Как жалко!..

- Не надо об этом, прошу! Хочешь, во что-нибудь поигра-

ем или почитаем? - это уже ко мне.

- Да, пожалуйста, - успокаиваясь, я затихла и теперь только вздрагивала. - Только можно, я долго-долго сегодня не буду засыпать?

- Конечно! Ведь маленьким принцессам можно веселиться допоздна. Петь, играть, слушать волшебные сказки. И этим мы сейчас и займемся!

И мы играли, пока мои глаза не стали слипаться. Но я таращила их изо всех сил.

- Что если лечь в кровать? - предложил папа. - Не спать, не спать! - поспешно замотал он головой на мой негодующий взгляд. - Слушать сказку. Ты только закрой глаза и слушай. А спать необязательно.

- Да и в кровать необязательно, - заметила мама. - Это так скучно - каждую ночь кровать и кровать. Ты можешь побыть летучей мышкой! Знаешь, как спят - то есть слушают сказки - летучие мышки?

- Вверх ногами? - предположила я.

- Именно. Вот так!

Она подскочила к гимнастическим кольцам, свисавшим с потолка, и принялась раскачиваться вниз головой, уцепившись за них коленями. Светлые волосы подметали палас.

- Попробуй сама! - Она спрыгнула. - Не хочешь летучей, можно простой мышкой. Или енотом! Они спят и слушают сказки в норке.

Мама соорудила из толстого одеяла округлую норку и же-

стом пригласила ее испробовать.

- Можно, как рыбка, - внес свой вклад папа. - Залечь в ванну с теплой водой...

Я даже растерялась от обилия заманчивых вариантов. Вариант с летучей мышкой не очень понравился - звенело в ушах, и голова наполнялась тяжестью. В норке было тепло и уютно, но душновато. Оставалась рыбка...

Мама наполнила ванну теплой водой и накапала эфирного масла. Папа выключил свет и зажег свечку.

- В некотором царстве, в некотором государстве жил-был принц... - Мамин голос был таинственным и убаюкивающим. Пахнувшая эвкалиптом вода ласкала и обволакивала. Я и не заметила, как погрузилась в дрему. - И вот однажды он поехал со свитой на охоту... - Столь же незаметно дрема перешла в крепкий сон.

Проснулась я не в ванной - в кровати. Уже не рыбкой - девочкой.

И, конечно, совсем одна.

Тосковала долго. И с Рином не разговаривала целых десять дней.

Помирилась, только когда он научил меня выдувать мыльные пузыри размером с половину комнаты, входить в них и обитать, словно в круглом, прозрачно-переливчатом домике, отделенном от всего света.

Стало немного легче, как только я заметила одну вещь. Когда родители разговаривали между собой (как обычно, хо-

лодно и вежливо), их тени на полу или стене тянулись друг к другу - даже из разных концов комнаты, и старались, будто невзначай, коснуться руки или щеки.

В такие моменты я нагибалась - словно развязался шнурок, и легонько гладила кудри мамы или папино плечо...

Как я стерла этот мир, а затем придумала заново

В тринадцать лет мир кажется абсолютно несправедливым по отношению к твоей персоне. А жизнь - безвкусной и пошлой шуткой. Взрослые - инопланетяне, настолько иные и не похожие, что невольно думаешь: 'Неужели и я когда-нибудь превращусь в такое же скучное и строго запрограммированное существо?' Сверстники, за малыми исключениями - безликая и жестокая масса. А исключениям - ярким индивидуальностям, как правило, не до тебя.

Подростковый период проходил у меня на редкость тяжело. Не для окружающих (я по-прежнему не грубила старшим и старалась учиться на одни пятерки), но для себя самой. Внешность не радовала: к мышинной невзрачности добавились прыщи и полнота - следствие гормональных перестроек. Внутри тоже было далеко до гармонии. Юность - это детство, беременное взрослостью. Под неумолимо меняющейся оболочкой зреет новое и чужеродное существо, и приятного в этом мало.

А тут еще любимый братик, с завидной регулярностью и явным удовольствием вращивавший во мне все новые комплексы. В отличие от меня, у него отношения с социумом были яркими и бурными. Из 'дичка', которым определи-

ла его когда-то деревенская баба-тетя, к шестнадцати годам он неожиданно преобразился в популярного парня, 'крутого перца'. При том, что внешностью Рин не блистал: ассиметричное худое лицо, светло-рыжие патлы, левое ухо оттопырено и выше правого. Вдобавок он крайне небрежно относился к упаковке - одежде и обуви, и не пользовался парфюмом.

Сверстники его либо обожали, либо ненавидели. (Последние - от зависти.) Учителя то злились, когда он срывал уроки или задавал вопросы, на которые у них не хватало ума ответить, то превозносили - когда завоевывал первые места на конкурсах и олимпиадах. В нем нуждались, его окружали, ему звонили и засыпали смс-ками.

Меня же не замечал никто.

Одно время, правда, со мной пытались подружиться одноклассницы Рина - чтобы стать ближе к нему, войти в дом. Я простодушно верила, что старшие девочки искренне мне симпатизируют, приглашала в гости, делилась фильмами и дисками и лишь удивлялась немного, что все разговоры так или иначе крутились вокруг особы моего брата. Даже поссорилась на этой почве с Тинки-Винки, справедливо возревновавшей к новым подругам.

Старания девиц пропадали втуне: дружба со мной никак не приближала их к Рину. Он словно чуял заранее их приход и сваливал из дома, прежде чем появлялась пара-тройка его поклонниц. Потом это, видимо, ему надоело, и он устроил

мне прилюдный разнос.

В тот день брат ввалился в мою комнату при девицах, радостно встрепенувшихся при виде своего кумира. Их было трое. Уже почти не скрывая незаинтересованности в моей персоне, они играли на моем копме (в то время как я безуспешно пыталась к нему прорваться, чтобы успеть до завтра написать реферат по биологии).

- И вас не задолбало просиживать здесь дни напролет, выслеживая меня, как крупную дичь? - выдал он вместо приветствия. Старшеклассницы кокетливо рассмеялись, а я встревожилась, почуяв по тону, что ничего хорошего его внезапный приход мне не принесет. - Я сам выбираю, с кем и как мне общаться, и моя сестра - последний человек, который мог бы повлиять на мои предпочтения. Должен сказать, у вас туго с воображением, девушки - дефект, мешающий более близкому знакомству со мной.

- О чем ты? - откликнулась Надин, самая холеная и оттого уверенная в себе. - Нам просто нравится Ира, она милая и очень умненькая для своих лет девочка, и мы приходим, чтобы с ней пообщаться.

- Вот именно! - энергично закивали ее подружки. - Мы никого не выслеживаем, Ринат!

- Это правда, Рин! - Отчего-то я сочла нужным встать на защиту старших 'подруг'. - Ты зря на них наезжаешь. Они нормальные - ты просто их недостаточно знаешь, хоть и учишься в одном классе.

- А ты, как видно, узнала их досконально? Не показывай себя большей дурочкой, Рэна, чем ты есть.

Я обиделась и надулась, но брат уже переключился с моей особы.

- А с вами, леди, давайте договоримся! Раз уж вам так нейдет, можете навещать меня. Будем общаться. Только условие: никаких контактов с моей сестрой! Все ее друзья, по определению, для меня малолетки. Нет, конечно, если она вам и вправду так нравится, приходите, играйте на здоровье в куклы барби и плюшевых зайчиков, но на меня не рассчитывайте: у меня найдутся дела поинтереснее и собеседники поумнее. Ну что, по рукам?

Я задохнулась от возмущения. Нет, как он может? Все, кто общаются со мной, маленькие? Но он же сам играет и болтает со мной! Пусть изредка, под настроение, но все-таки. А его чудесности? По негласному уговору я о них никому не рассказываю, но ведь они есть! Только наши, на двоих.

Я не сомневалась, что девицы выберут его. Пусть я наивная дурочка, но результат мог предсказать и альтернативно одаренный ребенок.

- Конечно, по рукам, Ринат! На фиг нам малолетки!

Они рассиялись до неприличия, все трое. А я изо всех сил приказала себе ни в коем случае не расплакаться перед ними. Иначе надо мной будет хохотать вся школа.

- Поняла? На хрен ты им сдалась, - шепнул мне Рин на ухо, но так отчетливо, что девицы расслышали и угодливо захи-

хикали: если, мол, тебе нравится издеваться над сестрой, мы тебя с удовольствием в этом поддержим. - А вы, - брат повернулся в их сторону, - валите вон. Быстро!

- Что?! - возопили они хором, не поверив своим нежным ушкам.

- Не расслышали? Прочь. У вас нет ни мозгов, ни честности. Не имеющий одного из этих двух качеств еще мог бы мне быть интересен, но чтоб сразу обоих? Увольте!

Пылая от обиды и возмущения, но не осмеливаясь выражать их вслух, девицы испарились. И я, наконец, расплакалась.

Рин тут же унесся. (Кажется, я уже говорила, что он терпеть не мог моего нытья, это его раздражало до зубовного скрежета. Самым легким способом избавиться от его общества было - пустить слезу.)

- Думал, ты умнее, - бросил он мне с ехидцей на прощанье.

На влюбленных девиц этот холодный душ подействовал мало - они продолжали провожать брата взглядами весенних кошек. Потеряв при этом ко мне даже наигранный интерес. Еле-еле удалось вернуть дружбу Тинки-Винки. Она долго не могла простить измены, но, поскольку выбирать подруг было особо не из кого (кому нужна ботаничка-отличница, круглая, как колобок, в очках и белых носочках?), мы снова сошлись.

Все описанное случилось за пару месяцев до того дня, о котором пойдет речь, но, на мой взгляд, эти два события свя-

заны.

Была весна, ранняя - то несимпатичное время, когда снег, вода и грязь смешиваются в одну хлюпающую под ногами массу и вроде должно быть по-весеннему радостно, но на самом деле наоборот: погода, авитаминоз и усталость от серенькой жизни нагоняют уныние.

И в классе в тот день было на редкость уныло.

Я сидела за своим столом, третьим у стены, и боролась со сном. (Описываю свое состояние, дабы свалить на него вину за собственную неуклюжесть, но на самом деле и в лучшие времена не отличалась особой грациозностью.) Меня вызвали к доске, и по пути к ней я умудрилась задеть бедром угол стола, за которым 'модель' класса Аллочка демонстративно красила ногти. Все вышло по наихудшему сценарию: ярко-малиновый лак выплеснулся с кисточки и забрызгал новенькую кофточку 'от Гуччи' (то, что изделие именно 'от Гуччи', она успела протрещать всем и каждому).

- Корова толстозадая! - Аллочка зашипела от злости. - Возместишь мне ущерб!

- Нечаева, что это за выражения? Выйди вон из класса! - оживился всегда меланхолический и сонный историк.

- Но, Вадим Борисович, посмотрите, что она сделала с моей одеждой! - 'Модель' выпятила грудь, на которой атели капельки лака.

- Выйди, я сказал! Заодно докрасишь свои ногти в более пригодном для этого месте.

- Ну и ладно!

Аллочка выскочила за дверь, искрясь от злобы. Проходя мимо меня, она успела шепнуть:

- Ну, ты за это поплатишься!..

В нашем классе, как во всех классах всех на свете школ, были свои лидеры и свои изгои. Я не относилась ни к первым, ни ко вторым - так, незаметный середнячок. Перед контрольными со мной начинали активно дружить: списывать я давала беспрекословно, а вот на дни рождения приглашали через раз, через два.

Сейчас я почувствовала, что отношение ко мне может измениться - и не в лучшую сторону. Вот ведь угораздило вляпаться!..

Естественно, после уроков меня ждали. На школьном крыльце покуривали три девчонки, во главе с потерпевшей Аллочкой, и два парня из ее свиты. Я заметила их, едва выглянув за дверь - и тут же шагнула обратно, так что пятерка мстителей не успела меня увидеть. Вжавшись в закуток между двумя дверями, жадно слушала их диалог:

- А может, ну ее, а? - голос одной из Алкиных подружек.
- Она же сестра Рината, могут быть проблемы.

- Да ну, какие проблемы? - уверенно возразила 'модель'. - Всем известно, что Ринату на нее наплевать. Ему вообще на всех наплевать - оттого он так крут! У меня соседка в одном с ним классе, так она рассказывала, что он ее стыдится, Ирку. Вы хоть раз видели, чтобы он в школе к ней подошел? Я

- ни разу. А знаете, отчего она по жизни такая затюканная? Ринат над ней дома издевается по-всякому: дразнит, разыгрывает. Так что, если мы ее немножко проучим, он нам только спасибо скажет!

- И все равно стремно как-то...

- Да ты, Дашка, всегда трусихой была. Можешь катиться отсюда колобком, к папочке с мамочкой, пока штанишки не намочила!..

Мое пугливое вслушивание прервал охранник:

- Что ты торчишь в дверях, девочка? Дуй домой! И другим путь не задерживай.

Он подтолкнул меня в спину, и я вылетела на злосчастное крыльцо.

Надо сказать, к тому времени меня уже не встречал после занятий шофер на мерсе - я вытребовала право возвращаться домой самостоятельно. Благо, наша последняя школа находилась в пятистах метрах от дома. В тот день я впервые пожалела о проявленной самостоятельности.

Домой я вернулась на час позже, с настроением на уровне минус сто. Нет, ничего ужасного со мной не сотворили: не избили и не искалечили - так, поугадили. Сорвали вязаную шапочку и извозили в грязи. Проорали несколько похабных частушек, прыгая вокруг, как павианы. Под злорадное улюлюканье вывели на лбу той самой кисточкой с тем самым лаком матерное слово (этим занималась по праву потерпевшей Аллочка, а остальные дружно инструктировали).

Ее подначивали расписать и мое новенькое пальто - взамен испорченной кофточки, но она не решилась, видимо, опасаясь возможных разборок с моими родителями.

И хотя кости мои остались целы и я не получила ни одной оплеухи, было на редкость тошно. От мысли, что завтра придется тащиться в школу и вновь встречаться с торжествующими истязателями, не хотелось жить.

Подходя к нашему дому, в надвинутой до бровей грязной шапочке, я увидела Рина, сидевшего на подоконнике моей комнаты. Он свистнул и помахал рукой. Я втянула голову в плечи: вот уж с кем мне совсем не хотелось видеться! Разве не популярность моего братца виной моих несчастий и унижений?

Хотелось одного: прошмыгнуть незамеченной в свою норку, стереть ацетоном грязное слово на лбу и забраться, прямо в одежде, под одеяло. И скулить, скулить о несправедливости мироздания - пока не полегчает. Поэтому поднималась я с твердым намерением выставить Рина за пределы своей территории и от души предаться унынию.

В комнате было очень холодно - что естественно при распахнутом настежь окне. При моем появлении брат обернулся с самым жизнерадостным выражением физиономии.

- Рэна, с такой кислой миной надо наняться в помощники стоматолога: глядя на тебя, пациенты не будут бояться зубодробительной дрели, понимая, что их проблемы - мелочь в сравнении с твоими.

- Слушай, отвянь, а? Не до тебя. И вообще, что ты здесь потерял? Иди и морозь свою комнату.

- Сестренка сегодня не в духе. Проблемы во взаимопонимании со сверстниками?

Он подмигнул, спрыгнул с подоконника и закрыл окно. Но не ушел, а плюхнулся на тахту, приняв расслабленную позу.

- Раз ты и так все знаешь, зачем издеваешься? Что за утонченный садизм? В школе говорят, что ты меня стыдишься, что я затюканная и никчемная. И то, что мы с тобой родственники - самое большое недоразумение в мире. Ты меня даже не защищаешь, как братья сестер! Зачем вообще нужен старший брат, если он не защищает, а смеется и называет душой, и все остальные...

Я замолчала на полуслове, почувствовав, как тяжелеют веки и окружающий мир дрожит в линзах вырастающих слез. 'Ну вот, сейчас он наконец уйдет, и я смогу нареветься вдоволь!..'

- Значит, так! - Рин выпрямился. Лицо было уже не веселым, но злым и сосредоточенным. - Прекращай истерику. Приводи себя в порядок и спускайся в холл, я буду ждать. Есть одна идея.

- Как их наказать?.. - спросила я с глупой надеждой.

- Не совсем. Это было бы слишком скучно - разбираться с твоими идиотами- одноклассниками. Кстати, они не индиго случайно?

- Почему индиго?

- Ты разве не в курсе, что сейчас время детей-индиго? Эти детки за гранью добра и зла. Они могут убить, если кто-то стоит на пути к их цели. Я читал статью о них, она называлась "Убийцы с нимбом Иисуса Христа".

Я растерялась. И тут же обозлилась.

- Никакие они не индиго! У индиго есть сверхспособности, они мысли читают и исцеляют, а у этих - только о шмотках и тачках все разговоры!..

- Ну и славно. Значит, гибель от их рук тебе не грозит.

- Слушай, убирайся, а?.. - Я всхлипнула.

- Ладно, так и быть: даю тебе полчаса, чтобы выреветься.

Если не уложишься в этот срок, пеняй на себя: буду развлекаться без тебя.

- Да не нужны мне твои развлечения, и сам ты мне на фиг не нужен, - но это я пробормотала еле слышно и в уже закрывшуюся дверь.

В полчаса я уложилась. Минут десять редела, столько же оттирала лоб. Шапочку просто выкинула в мусорное ведро. Параллельно с этим перебрала все известные мне ругательства - даже такие, какие прежде не осмелилась бы произнести и про себя, будучи благовоспитанной девочкой. В первую очередь они были обращены к Рину, во вторую - к Аллочке и ее команде. Но также досталась и бывшим 'подружкам'-старшеклассницам, и родителям, уродившим меня такой некрасивой и никчемной, и слякотной серой весне с ее грязью и

лужами.

Дурное настроение после этих процедур не исчезло, но приобрело рациональный привкус. 'Хорошо, пусть я имею полное право обидеться на Рина до смерти и никогда больше с ним не разговаривать, - уныло резюмировала я. - Но этим я накажу себя, а не брата. Рину плевать, по большому счету, общаюсь я с ним или нет, а я останусь без самого интересного в жизни. Ну да, он никак не подарок - насмешливый, равнодушный, жестокий. Но что если, не будь он именно таким, не было бы его волшебных глаз, его удивительных способностей? Конечно, старший брат, который бьет морды всем, кто косо взглянет на его сестренку, это здорово. Но ничего необычного в этом нет - такое встречается на каждом шагу. А вот на чудесности, которые творит Рин, больше никто не способен. И они дураки - Аллочка и все остальные, болтающие, что брат меня стыдится и издевается надо мной. Ведь только меня впускает он в свой волшебный мир, и никого больше. Может, он даже любит меня? По своему, как умеет'.

- Ты пришла раньше на целых три минуты, поздравляю! Видимо, зависишь от меня сильнее, чем я предполагал.

- Тебе не удастся испортить мне настроение больше, чем оно уже испорчено. Можешь не стараться!

- Спорим, удастся? До сих пор сомневаешься в моих способностях?

- Это и будет развлечением, в котором ты предложил мне поучаствовать?

- Было бы слишком просто: ты на редкость предсказуема. Нет, в чем-то это забавно и даже бодрит, но сегодня хочется чего-нибудь поизысканнее. Давай для начала заберемся на крышу. Там и дышится легче, и в мозгах просторнее.

- Но там же холодно и сыро! И уже темнеет.

- Значит, ты остаешься?

Не дожидаясь моей реакции, Рин выскочил в прихожую и стал натягивать куртку. Демонстративно фыркнув, я поплелась следом.

Было еще светло (насчет темноты я покривила душой), но серо, пасмурно. Небо обхватило нас со всех сторон сырыми объятиями, когда, одолев пожарную лестницу, мы уселись, прислонившись к трубе и уперев ступни в новенькие красные черепицы.

Вид с трехэтажной высоты открывался безрадостный: дома казались облезлыми и сонными после долгой зимы, голые деревья покачивались на ветру. Лишь пронесившиеся авто яркими нездоровыми пятнами вырывались из общего фона. Да еще реклама.

- Ты ведь не любишь раннюю весну, верно?

Брат поерзал, устраиваясь по-турецки.

- А за что ее любить? Мокро, грязно, слякотно. Чистота и белизна зимы кончились, а летняя жара еще не наступила. Я просто ненавижу это унылое время года.

- Вот как. А что еще ты ненавидишь?

- Ты хочешь, чтобы я всё перечислила?

- Да, было бы неплохо.

- Я ненавижу школу, одноклассников, учителей. Ненавижу родителей - да-да, потому что им нет до нас с тобой никакого дела.

- Не надо объяснений, просто перечисляй.

- Ненавижу раннее утро - когда нужно просыпаться. Тебя!

Потому что...

- Я же сказал: объяснения не нужны.

- Хорошо. Ненавижу... весь мир, можно сказать.

- Замечательно! - Рин хлопнул себя по колену. - Какая ты, оказывается, злюка. Весь мир тебе не угоден! Ладненько. Давай, ты все это сотрешь?

- Как сотру?

- Очень просто. Будешь думать о том, что тебе не нравится

- и оно будет стираться.

Я вгляделась в ехидную физиономию. Волосы брата шевелились от ветра, как пламя травы, сжигаемой по весне. Оттопыренное ухо нетерпеливо подрагивало, в радужках побежали знакомые волны.

- Знаешь, если ты это взаправду, то стоит побережться: в первую очередь я могу стереть своего единственного брата!

- А вот этого не советую: я ведь буду помогать тебе совершать сию операцию. Мою персону лучше оставить напоследок. - Рин сложил руки в мольбе и жалобно заморгал. - Не убивай меня сразу, Иванушка, я тебе еще пригожусь!

- Ладно, - я милостиво кивнула. - Сразу не буду.

- Тогда с чего начнем? С весны - грязной, мокрой и мерзкой?..

- Давай с весны. А она и вправду сотрется?

- Почему нет? - Он пожал плечами. - Как и все остальное. Этот мир не слишком хорош, видишь ли. Стереть творение старикашки Йалдабаофа - одно удовольствие.

- Кого-кого?

- Так называли древние гностики демиурга, сотворившего наш мир. Но тебе еще рано, все равно не поймешь. Приступим?..

Я поколебалась, но недолго. Была не была!

- Что надо делать?

- Подумай о ней, о противной весне, скажи: 'Исчезни!' и сделай жест, словно вытираешь доску от мела. Как-то так, наверное.

- Исчезни! - Я послушно исполнила требуемое, представив самые яркие признаки нелюбимого времени года.

Вышло машинально и сухо, и в первый момент я решила, что не получилось.

Но нет, получилось! Все стало по-другому. Как именно? Трудно объяснить. Ранней весны не стало - духа ее, образа, хотя и снег, и грязь, и голые деревья - всё присутствовало. Времени года вообще не было, никакого. Было безвремяе. И еще - значительно потеплело и исчезли многие звуки.

- А... куда она делась? - спросила я шепотом, потрясенная случившимся.

- Понятия не имею. Но вышло забавно.

- А смогу я потом вернуть всё обратно, или это навсегда?

- Об этом следовало подумать прежде.

Я не на шутку испугалась того, что натворила, и вцепилась в рукав брата.

Рин усмехнулся, разжал мои пальцы и поменял позу, вытянув ноги.

- Что, жалко стало грязной, мокрой весны?.. Не плачь. Всё, что ты можешь вспомнить и представить, сможешь и вернуть, я думаю.

У меня вырвался вздох облегчения. Грязная-то она грязная, но ведь за весной следует лето...

- А почему ты не сделал этого сам, а доверил мне?

- Самому не так интересно. Да и пришлось бы затратить больше усилий. Для каждого сложного процесса нужен катализатор. Продолжим?

Я осмотрелась. Что бы еще стереть?

- Исчезни! - Пафосный жест в сторону полуоплывших серых сугробов прямо под нами и проступившей кое-где земли.

Не то чтобы они сильно мне досаждали - но любопытно было взглянуть, что появится на их месте. Не появилось ничего! Пустое белесое пространство, в котором повисли деревья и дома. Стали видны корни и подземные коммуникации, и это было так необычно и ни на что не похоже, что у меня закружилась голова.

Воодушевившись, я убрала тучи, надеясь, что вместо них появится солнце, но тучи сменила та же белесая хмарь. Словно я и впрямь стирала окружающее, как рисунок мелом со школьной доски или фломастером с пластика. И теперь пребывала в наполовину уничтоженной - или недописанной - картине.

Чтобы не вызвать новый приступ головокружения, прежде чем приступить к машинам и людям, я стерла деревья (которые, в общем-то, никогда мне не мешали). Отчего-то сразу за этим одинокие столбы электропередач и узоры проводов вызвали у меня спазм паники, и пришлось быстренько с ними расправиться.

- Послушай, а как быть с людьми? И с животными? Стирать каждого по отдельности или всех разом?

- А не утомишься - если каждого по отдельности? Знаешь, сколько на планете людей или, там, комаров?

- Да нет, я имела в виду знакомых!

- Можно начать с отдельных личностей, которые тебе особенно досадили, а закончить мыслью 'все человечество'. Или 'вся флора и фауна' - за исключением тех, кого ты захочешь оставить.

- Тогда пусть сперва исчезнет мой класс! Вернее, сначала сотрется Аллочка, потом ее компания, а потом скопом все остальные.

Это было не так, как с тучами или весной. Я увидела комнату нашей 'модели', занавески в полосочку, ноутбук с ка-

ким-то чатом и ее саму, возлежавшую животом на подушке в розовой пижаме. Сначала растворилось ненавистное лицо и влажные после душа волосы - размазались, стали белесым пятном. Кажется, она успела что-то почувствовать, потому что дернулась и вскочила. Затем - плечи, руки, ноги (они шевелились и дрожали, что было очень противно). Пижамы осталась, розовыми холмиками застыв на ковре.

С четверкой ее 'подельников' я церемонилась меньше, лишь на пару секунд выхватывая лицо каждого, прежде чем отправить в белесое небытие. Еще быстрее разделалась с остальными одноклассниками. Затем пожелала исчезнуть учителям, директорисе и завучу и стерла здание школы. На этом ненависть моя утихла. В душе разлилось приятное умиротворение.

- Можно на этом закончить! - объявила я Рину. - У меня отличное настроение: вполне довольна собой и окружающим миром.

- А при чем тут ты и твоё настроение? - удивился брат. - Нельзя бросать дело на полдороге. Не получится написать новую картину на грязном холсте.

- А разве нельзя оставить так, как получилось? - Я обвела рукой странноватый пейзаж с проплешинами и пустотами. - Да, выглядит непривычно, но тем забавнее.

- По-моему, ты просто ленишься. Нет, так не пойдет! Если за дело возьмусь я, могу напрочь забыть про тебя - в творческом запале, когда стану выдумывать новый мир. И оста-

нешься ты неведомо где и незнамо в каком виде.

- Ах, вот как? Ты мне угрожаешь? Хорошо. Я сделаю это, только прошу отметить, что вынуждена так поступить под гнетом диктатуры и угрозой жестокой расправы.

Заключительную часть аннигиляции я начала с машин и домов. Потом людей - единой партией. Птиц, рыб, теплокровных... Когда я призадумалась, Рин напомнил мне о грибах, моллюсках, беспозвоночных - и я стерла их одной фразой:

- Исчезни, вся разнообразная мелкая хрень, на море и на суше!

Одной фразой были стерты растения, другой - промышленные и жилые постройки. Крыша под нами ухнула в небытие, но мы продолжали сидеть. Вдвоем, в мутно-молочной пустоте.

Было тихо, спокойно и сонно.

- 'Джон Донн уснул. Уснуло все вокруг, уснули стены, пол, постель, картины... - Брат монотонно забормотал шедевр Бродского, без смены интонаций, как сомнамбула. - В подвалах кошки спят, торчат их уши...'

- Теперь твоя очередь? - осторожно вклинилась я в бесконечное стихотворение.

Рин кивнул, не прекращая декламации.

- '...Лисицы, волк. Залез медведь в постель. Заносит снег у входов нор сугробы...'

- Исчезни!

Я провела ладонью вдоль контура его лица, наблюдая, как вслед за пальцами тянется белесая пустота. Вот рас-творилось левое ухо - то, что выше правого, и упавшая на него прядь ярких волос... воротник рубашки, тонкая шея... Я стрела руки, грудную клетку, а затем и все туловище, вытя-нутые длинные ноги в тупоносых ботинках... Лицо остави-ла напоследок. Полюбовалась какое-то время висевшей в пу-стоте физиономией, сосредоточенно бубнящей, уставившей-ся в пространство. Рука дрогнула, когда заставила ее дотро-нуться до лба, бровей, подбородка... Губы продолжали бор-мотать:

- '...Мышь идет с повинной...'

На слове 'с повинной' решила стереть и их. Сразу стало очень тихо.

Долго (как показалось мне, очень долго) не решалась при-тронуться к глазам - с их искристыми волнами и неизъяс-нимым выражением. Рин, как назло, смотрел уже не в про-странство, а на меня. Зрачки затягивали в свои пучины, гип-нотизировали, звали. Чеширский мальчик, чьи глаза висят в воздухе, когда самого мальчика уже нету...

Тут он подмигнул. Пальцы дернулись и всё стерли - рез-ким взмахом.

И я осталась одна.

Поначалу не было ни страшно, ни одиноко. Только очень захотелось спать. Или не спать, а забыться? Наверное, так выглядит непроявленное бытие, Ночь Браммы. (Это сейчас я

нахожу нужный образ, а в то время, конечно, ни о чем таком не помышляла - просто отмечала, что мне тепло и комфортно.) Со сном я боролась, подозревая, что в такой ситуации он может оказаться беспробудным, а покоем и расслаблением наслаждалась.

Спустя недолгое время пустота и небытие наскучили. Захотелось определенности, проявленности (Дня Браммы). Потянуло к своей комнате, к компу с мерцающим монитором, к чашке шоколада перед сном и постельному белью в синий цветочек с запахом ириса. Пожалуй, поиграли - и хватит!

В первую очередь я решила вернуть брата: по большому счету, он являлся главной ценностью моего бытия. Зажмурившись, представила как можно отчетливее вздыбленные рыжие пряди, ассиметричные уши, светлые брови щеточкой, подвижные губы с вечно кривящей их усмешкой. Не забыла и одежду: салатного цвета рубашку с дюжиной карманчиков и заклепок и черные джинсы. Звонко воскликнула: 'Появись!', широко и красиво взмахнув правой дланью.

Но никого и ничего не появилось! Та же молочная пустота и полное одиночество.

Решив, что неправильно подобрала 'волшебное' слово, принялась варьировать: 'Возникни!', 'Пробудись!', 'Воскресни!', 'Проявись!', 'Будь!', дойдя до слезливой мольбы: 'Ну приди же, ну оживи, ну не будь такой сволочью, ну пожа-алуйста...'

Нулевой эффект. Чтобы не поддаться панике, принялась

представлять всех подряд: маму, папу, Тинки-Винки, учителей. От людей перешла к предметам: тахта, монитор, ролик, плюшевая обезьянка у меня на подушке... Но и это не срабатывало.

И тут я по-настоящему испугалась. До состояния соляного столба, в котором бухает огромное сердце, и это звук - единственный на всю вселенную.

Из остолбенения бросилась в иную крайность: исщипала себе руку, надеясь, что наваждение пройдет, как сон. Обратившись к гипотетическим небесам (задрав голову, хотя 'небеса' вполне могли оказаться и под ногами), торжественно поклялась НИКОГДА больше не участвовать в авантюрах моего сумасшедшего брата - если только выберусь из этой.

'Что я буду делать, совсем одна? Умру от жажды, от голода? От жажды быстрее, но мучительнее... А там, куда я всех отправила, наверняка есть и еда, и горячий шоколад, и мое любимое одеяло. Там есть всё - кроме меня... А что если попробовать стереть себя? Я проявлюсь там, где весь остальной мир, или уничтожусь? Соединюсь со всеми, либо стану никем и ничем. Ох, жутковато...'

В последний раз попытавшись представить (нашу кошку Мару) и убедившись, что ничего не выходит, я решилась. Хуже того, что есть, не будет, ведь так?

Зажмурившись, я провела ладонями вдоль лица и тела.
- Исчезни!!!

Накрапывал мелкий, холодный, занудливый весенний

дождик. Он мгновенно изгнал из меня тепло. Под ногами была красная черепица, а рядом восседал, скрестив длинные ноги в тупоносых ботинках, Рин.

- Долго же ты.

- Почему ты не сказал, что так получится?! Знаешь, как я испугалась, когда твердила как заведенная: 'Появись!', и ни черта не появлялось?..

- Получится что? Ты и впрямь решила, что уничтожила мир? Такое даже мне не под силу.

- Тогда что это было?!

- Ты вывернула всё наизнанку. Точнее, я вывернул - с твоей небольшой помощью. И побывала одна на невывернутой стороне. Знаешь, что теперь всё поменялось местами и правое стало левым, а левое правым? Только никто этого не заметит: ведь всех людей с их мозгами тоже вывернули. Правда, забавно?

- Ну, ты и козел! - с чувством выплеснула я. - Потрясающе забавно, ну просто: ха-ха-ха-ха!.. Знал бы кто, как я перепугалась. Всё, больше никаких экспериментов, никаких чудес! Знаю, что ты врешь, и ничего на самом деле не выворачивал, но все равно - сыта по горло. Клянусь!

- Поздравляю: уже через несколько дней ты станешь клятв-вопреступницей.

- Ни за что! Я дала клятву небесам, между прочим. Там, в пустоте.

- Ты умудрилась отыскать небеса в пустоте?!

Рин зашелся в хохоте, стуча кулаками и подошвами по черепице, и едва не скатился с крыши.

Больные сны

Решение, что, закончив школу, Рин поедет учиться в Штаты, было принято давно. На так называемом 'семейном совете'. Куда была приглашена и я, но, разумеется, в виде манекена без права голоса. Родители надеялись, спровадив сына в Гарвард, подышать спокойно. Ему же, казалось, было безразлично, где обитать и чем заниматься - в свободное от основного, таинственного и непонятного никому бытия, время.

Расстраивал его отъезд лишь меня. Если, конечно, не брать в расчет влюбленных и готовых на все девушек, зачавших в наш дом, лишь только брат решил, что пришла пора стать мужчиной. Они так часто менялись, что воспринимать их всерьез было нелепо. Через постель Рина прошла даже Тинки-Винки, резко похудевшая и похорошевшая к пятнадцати годам. (После случившегося я долго не могла с ней разговаривать, но она, кажется, не сильно расстраивалась по этому поводу.)

Я переживала и мучилась заранее, стараясь делать это незаметно для окружающих и самого объекта мучений. Казалось, мой мир умрет с отъездом Рина. Я так привыкла к необычностям и чудесам, что нормальная жизнь виделась бесцветной, пресной, а главное - лишенной смысла. Я не влюблялась, подобно сверстницам - ни в киноактеров, ни в одноклассников. Была малоэмоциональной и даже аутичной

(как определила бы теперь), но это совершенно не касалось брата. Что будет, когда его не станет рядом? Верно, спрячусь, как улитка, в свой домик и перестану реагировать на внешние раздражители. Подобная перспектива не радовала...

После Нового года, когда до отъезда Рина оставалось меньше шести месяцев, мое вдумчивое и глубокое горевание стало выплескиваться из берегов. Скрывать эмоции было все труднее. Я плохо ела, шмыгала носом в подушку, смотрела на брата глазами брошенного пса. Рин, естественно, все замечал и злился. Однажды выдал мне с яростью:

- Я еще не умер, а ты меня не только похоронила, но и всю могилу усыпала цветами и залила потоками горячих слез! Противно, честное слово.

Я не ответила и даже почти не обиделась. Старалась быть рядом при каждом удобном случае - напиться им, как верблюд водой, впрок. Верно, смахивала на восторженную фанатку рядом со своим кумиром. Его быстро меняющиеся подружки терпеть меня не могли и подчеркивали это при каждом удобном случае. Рина тоже раздражало мое постоянное пребывание под боком, но почему-то он меня не гнал. Ни до, ни после тех дней не проводили мы столько времени вместе - хотя хамил и ехидничал он с не меньшей силой.

- Скажи, зачем я тебе вообще нужна? Зачем ты со мной общаешься? - спросила я как-то, не выдержав, после очередного спича на тему моей неприметности и обыкновенности. - Родственные чувства тебе неведомы, интереса к моей лич-

ности ты не испытываешь - тогда какой смысл?..

- Видишь ли, Рэна, - он скорчил многозначительную мину, - ты для меня вроде катализатора. Знаешь, что такое катализатор, из химии?

Я хмуро кивнула.

- Ну да, ты же отличница. Я заметил этот феномен давно, в деревне, когда ты скулила от страха - помнишь? И у меня получилось придумать тех забавненьких существ. Как их там...

- Дожди.

- Дожди... Это было начало. Не знаю, отчего так происходит, но я не могу пока быть таким с другими. И наедине с собой не могу. Уверен, это дело времени, когда-нибудь обязательно научусь. Но пока могу творить самые интересные штуки лишь в твоём обществе.

- А что будет потом? Когда ты научишься, я стану тебе не нужна?

- Видимо, да. Нафиг ты нужна, если я смогу сам? - Он едко и весело подмигнул. Отчаянье на моем лице было столь явным, что каменное сердце смягчилось. - А может, ты всегда будешь мне нужна. Не для одного, так для другого. Как знать? Давай не будем загадывать.

Весна в том году выдалась поздней и нервной. У нее не хватало сил справиться с холодом, и короткие оттепели сменялись надоевшими заморозками и снегопадами. В конце марта на реках и озерах еще стоял крепкий лед, и на выход-

ных Рин со своей очередной пассией решили выбраться за город - покататься на коньках по глади лесного озера. (Подозреваю, то была идея Рина, а пассия послушно подчинилась.) Я напросилась с ними.

Дорога в лес прошла в траурном молчании. Пышноволо- сая красавица, старше брата года на три, демонстративно меня игнорировала. Понять ее было можно: мое присутствие для девушки оказалось неприятным (и нелогичным) сюрпризом. Как же поцелуи на заднем сидении и все то, ради чего была затеяна прогулка? (Лесное озеро ей хотелось считать предлогом, не слишком удачным.) Вдобавок, как я подозревала, ее обижало полное невнимание Рина к ее тачке - новенькому серебристому ситроену, которым она управляла весьма ловко. Девушка, верно, не успела еще узнать, что Рин терпеть не мог автомобили. (Когда наш отец заикнулся о том, что, если он получит аттестат зрелости без троек, станет владельцем престижной тачки, брат громко взмолился: 'Лучше деньгами!')

Рин устроился на заднем сидении и рассматривал засне- женные виды, ткнувшись носом в тонированное стекло. В тот день брат был излишне сдержан и немногословен - даже для своего фонового состояния, не отличавшегося избытком болтливости. Светской беседы не поддержал, и девушке после двух-трех попыток что-то мелодично промяукать, при- шлось заткнуться, покусывая накрашенные лиловым губы и сдувая с лица шаловливую прядь.

Последний километр до нужного места, как выяснилось, нужно было одолевать своим ходом.

- Как ты себе это представляешь? Всю ночь шел снег, поверх льда будет лежать толстенный слой! И как по нему кататься?.. - бурчала, семеня и оскальзываясь на узкой тропинке, пассия (звавшаяся то ли Леной, то ли Людой, точно не помню, но буква 'л' определенно присутствовала).

Ее угораздило нацепить в лес сапоги на шпильках и обтягивающие красивую плоть голубые лосины. Похоже, красавица до последнего момента рассчитывала на автомобильную прогулку, но никак не на штурм сугробов.

- Там будет чисто.

- С чего ты так уверен? Ты что, сбегал туда и расчистил?..

- Она захихикала, но тут же охнула, промахнувшись мимо тропинки и увязнув по колено в снегу.

- Если ты сомневаешься в моих словах, лучше сразу отправляйся обратно.

- Да ладно тебе, милый, я же просто спросила! Сердитый какой... Просто зубастый львенок! Нет-нет, взрослый могучий лев!..

С усилием вытащив ногу, она подобострастно прижалась к независимой сутулой спине. Я заметила, как дернулось левое ухо Рина - признак раздражения. Интересно, зачем он встречается с девицами, от которых его тошнит? Я поставила себе зарубку в памяти - на досуге спросить об этом.

Наконец, мы добрались до места. Озеро было покрыто про-

зрачным зеленоватым льдом - и никаких сугробов. (В чем я, собственно, не сомневалась.) Деревья казались еще чернее и еще стройнее от свежего снега, венчающего их ветви. Было тихо, морозно и волшебно. (Негромко и подспудно волшебное, а не как в чудесах Рина.)

Впрочем, тишина и дыхание сказки рассеялась быстро - от кокетливых визгов Леночки (или Людочки? - поскольку это неважно, буду называть ее Леной), умиленно щебетавшей, натягивая коньки, какой Рин молодец и какая она дуручка, что лезла со своим недоверием.

На льду парочка смотрелась грациозно и ловко. Девушка когда-то занималась фигурным катанием, о чем поведала еще по дороге, а Рину не нужно было ничему учиться: способности ко всему на свете таились у него в крови. Я же вставала на коньки только пару раз, в раннем детстве, потому чувствовала себя неуклюжим парнокопытным. Мне не удалось одолеть и десяти метров, чтобы не шлепнуться на пятую точку, и уже через четверть часа мучений она ощутило занула. А Рин с подружкой со свистом взрезали зеленый лед и беспечно смеялись. И самое обидное, что даже не надо мной - меня для них просто не существовало.

Я сто раз прокляла себя за дурацкую идею провести с братом выходные. Ведь знала же, что будет именно так: с посторонними людьми он меня обычно не замечал.

Не выдержав одинокого монотонного процесса скольжения-шлепанья-вставанья и возжелав присоединиться к об-

щему веселью, я повернула к парочке. Рин в пируэте пронесся мимо. Пытаясь приостановить его и не справившись с управлением, я мешком рухнула ему под ноги. Брат, тоже не удержав равновесия, грохнулся рядом, проехавшись ладонью по лезвию моего конька.

Не помню, упоминала ли я, что Рин не переносил боли, а от вида собственной крови мог свалиться в обморок или озвереть. Поэтому, увидев, как брат изучает алый разрез на руке и лицо его становится еще более ассиметричным и диким, я предпочла отползти подальше, не тратя времени на вставание - на четвереньках.

- Ринат, что случилось? - Грациозная Лена притормозила возле раненого и присела на корточки. - Какой ужас!.. Впрочем, ничего страшного: царапина. Давай перевяжу: у меня чистый платок есть.

Со своими пышными желтыми прядями она была вылитая Мария Магдалина, склонившаяся над ногами Учителя, чтобы омыть их слезами и просушить волосами.

- Отвали!.. - В голосе брата была даже не злость, а животная ярость.

От растерянности Лена отшатнулась и шлепнулась - совсем, как я - на пятую точку.

- Что?..

- Не расслышала?!

Рин поднялся, держа ладонь растопыренной, расцветившая лед алыми кляксами, и шагнул ко мне. Я зажмурилась, вжав

голову в плечи. Было очень страшно: прежде мне не случилось причинять ему боль, потому и представить было нельзя, что сейчас последует.

- Посмотри! - Он сунул раненую руку мне под нос.

Повеяло тяжелым соленым запахом. Помню, я испытала удивление: человеческая кровь вроде бы так сильно и резко пахнуть не должна.

- Прости, я не хотела...

- Ты не хотела?! И это все, что ты можешь пропищать? У меня ладонь рассечена до кости, а ты, дура мелкая, только и можешь, что извиниться? Мне больно, понимаешь ты это?!..

Он ухватил меня здоровой рукой за воротник и затряс. Я все же открыла глаза - помня пафосную фразу, что лучше смотреть в лицо опасности. Это самое лицо было по-прежнему диким, на переносице и скулах выступили горошины пота, а зрачки превратились в булавочные уколы. Волны, затопившие радужку, пугали больше всего: что же он вытворит в таком состоянии?..

- Рин, успокойся, пожалуйста, - я старалась бормотать убедительно, чтобы достучаться до разума, но зубы, цокающие друг о друга, и мотающаяся, словно тряпичная, голова вряд ли придавали словам достаточную весомость. - Давай поедem домой, а по пути зайдем в травмпункт, там тебе зашьют и перевяжут...

- Заткнись!

Он яростно закусил губу. Ноздри дергались, как пытаю-

щиеся взлететь крылья, а запах крови стал удушающим. Куда подевалась Лена, не знаю: может, испугалась и убежала, а может, спряталась - память начисто стерла ее образ в те минуты.

- За то, что ты такое со мной сотворила, тебя следует проучить! Да так, чтобы навек запомнила и прочувствовала!..

- Рин, тебе же не станет от этого легче! Рин, ведь ты не садист, очнись!..

Я уже заполошно вопила, но он не слышал. Не воспринимал меня как сестру, девочку, человека - но лишь эпицентром, средоточием его праведного гнева. Вспомнилось, как в одиннадцать лет он разнес в щепки стул, свалившись с которого повредил ногу, а потом и полкомнаты пострадало в придачу, пока гувернер не привел его кое-как в чувство.

- Да кто ты такая?! Я тебя не знаю!

Рин истерически захохотал, запрокинув голову. Острый кадык дергался вверх-вниз. К звукам хохота прибавились другие, и, вслушавшись, я поняла, что так звучит ломающийся лед.

Отпустив воротник, брат толкнул меня, и я упала на спину, больно ударившись локтем. Твердь подо мной трещала и двигалась. Ясно представляя, что сейчас произойдет, я ничего не могла предотвратить: не то что убежать в безопасное место, даже подняться на ноги. Я продолжала что-то орать, а трещины разверзались со всех сторон. В них плескалось черное и ледяное.

В последнем усилии я вцепилась в край льдины подо мной. Льдина вздыбилась, как норовистый конь. Перед тем как она стряхнула меня в водяное чрево, я успела увидеть лицо брата. Ярость сменились растерянностью и даже... страхом. Мелькнула мысль: воистину, стоило утонуть - чтобы узнать, что и ему ведомы человеческие чувства, а главное - моя серенькая жизнь, оказывается, что-то для него значит...

Вода вонзила в меня тысячу ледяных клыков, а коньки и куртка сразу потянули на дно. На какое-то время я потеряла сознание, а затем ощутила, как некая посторонняя сила тянет меня вверх.

Рин умудрился за пару секунд скинуть ботинки и крутку и нырнуть за мной. Откуда у него, щуплого и субливного, взялись силы выудить меня вместе с мокрой одеждой и стальной на ногах, неведомо. Я успела лишь до смерти замерзнуть. Осознание, что чуть не утонула, пришло позже, когда он волоком тащил меня к машине. Вновь возникшая на краю сознания Леночка с растрепанными волосами и малиновым от волнения личиком причитала, семена за нами и оскользаясь на своих шпильках.

Хотя мы шли - точнее, они шли, а я висела у Рина на тощем плече - очень быстро, одежда заледенела и царапала кожу. Мою мокрую куртку вместе с коньками бросили на снег, а меня Рин одел в свою. В машине он сел рядом со мной и, велел Лене скинуть пуховик, укрыл им. Он словно не ощущал холода, хотя рыжие пряди обледенели причудли-

выми сосульками, а босыми ступнями, наплевав на ботинки, оставленные на берегу, он отшагал приличный путь по снегу. Про руку брат тоже забыл, хотя она продолжала кровоточить.

Я же никак не могла согреться. Казалось, все во мне смерзлось в твердый острый комок, а вместо крови по венам струится ледяная озерная вода.

- Только не вздумай умереть! - свирепо предупредил Рин.
- Я знаю, ты способна на всё - лишь бы мне отомстить.

- З-зачем ты ме-еня во-обще п-полез в-вытаскивать?..

- Не мог же я потом всю жизнь рассказывать, что у меня была сестра, которая меня случайно порезала, и за это я утопил ее в проруби. Ты... извини. Не хотел, чтобы так вышло.

- Что ты с-сказал?! 'Извини', или мне послышалось? - Меня бросило в жар. - Можешь повторить?

- Одного раза достаточно.

Рин отвернулся к окну. Спина в мокром свитере и затылок с тающими сосульками потемневших волос выглядели и вызывающе, и жалко.

Горячее потрясение от его слов не проходило, оно согрело меня.

- Я думала, ты всегда и всё знаешь наперед. А о сегодняшнем ведь не знал? И от себя не ожидал такого - я видела твое лицо.

- Скучно знать все наперед, - бросил он, не оборачиваясь.
- Да и не нужно. Ты странного представления о моих способ-

ностях - отчего-то считаешь меня всесильным.

- А разве не так?

- Нет.

Больше мы не разговаривали. Правда, Леночка пыталась щебетать, ведя машину, впадая то в восторженный пафос, то в шумное сострадание, но брат не реагировал на ее переливы, и 'Мария Магдалина' смолкла.

Увидев, в каком виде мы ввалились в дом, гувернантка всплеснула руками и запричитала по-французски (не забывая образовывать нас). Я отмахнулась, не удостоив объяснениями, даже на родном русском, а Рин не взглянул в ее сторону.

С полчаса полежала в очень горячей воде, потом нырнула в постель. Долго не могла заснуть - раскалывалась голова, ломило виски, - а в середине ночи проснулась от жажды. Все тело пылало - разбей на живот сырое яйцо, и через минуту будет яичница. Когда встала, чтобы добрести до кухни и напиться, пол и потолок поменялись местами.

Грохот падения разбудил брата. Он зашел в мою комнату и помог залезть обратно в постель, мрачно буркнув:

- Ты все же решила мне напакостить...

Через полчаса приехала вызванная им 'неотложка', и меня отвезли в больницу с острой пневмонией.

Несколько дней я плавилась в сорокоградусной температуре. То погружалась в рыхло-багровые пучины бреда, то выплывала ненадолго на поверхность сознания, насквозь мок-

рая от пота, дрожащая от слабости. Рин был рядом почти постоянно - прогуливал школу, забросил подружек и прочие дела. То ли его грызло чувство вины, то ли он и впрямь нуждался во мне - живой.

Бред - то же измененное состояние сознания. Но обычно люди не помнят, что видят и чувствуют в жару, у меня же каждый глюк отчего-то зацепился в памяти. Еще по пути в больницу вокруг затеснились мутно-зеленые гуттаперчевые тела без лиц и волос. Трехпалые, с вытянутыми головами, они не столько пугали, сколько мешали. Мешали раскрыться и снять одежду - ведь было смертельно жарко. Мешали встать и напиться, или хотя бы повернуть подбородок к окну, к струйке свежего воздуха. Они лопотали что-то невнятное на своем наречии, и я тщетно пыталась понять и ответить.

- Тише, тише, - наконец разборчиво выдало одно из них голосом брата. - Перестань дергаться, капельницу свернешь.

'Капельница' - слово вспыхнуло и заблестело. Синий и громоздкий, как готический храм, аппарат на колесиках с огромной стеклянной банкой. Его обхаживали те же мутные гуманоиды, а на дне банки распласталась ворона. Из крыльев тянулись тонкие трубки, по которым текло темно-алое, глаза строго впивались мне в лицо, и в них разбегались... разбегались... разбегались круговые волны.

- Я не хотела делать тебе больно, не хотела ранить твою руку, пожалуйста, не надо, я не хочу твоей крови...

Птица распахнула клюв и хрипло каркнула:

- Поздно!

И кто-то невидимый продолжил пластмассовым голосом:

- Поздно. В небе звездно. Трижды крикнул ворон: горе, море, жуть...

Я крепко зажмурилась, чтобы не видеть и не слышать. Но глюки не уходили. Мечтала зацементировать уши и завесить изнутри глаза...

Лишь когда на лицо повеяло прохладой, бред рассеялся.

Это Рин, склонившись, дул мне на лоб. Глаза его были обычные - уставшие и серые.

- Братик, сделай так, чтобы не было так жарко и хреново...

- Не могу, - он покачал головой.

- Ладно, пусть... Только не уходи! Когда ты рядом, очень плохого не случится.

- Я уйду, когда буду уверен, что ты выздоравливаешь. Устроит?

Я хотела кивнуть, но от этого усилия мир расплылся и разбежался.

А когда стал четким и целым, оказалось, что собрался неправильно. Видны были неточности и погрешности, и даже лицо Рина, только что бывшее гладким и ровным, состояло теперь из множества кубиков и пирамидок, неплотно пригнанных друг к другу. В зазорах пульсировало что-то пугающе блестящее.

- Я умру, да?

- Нет. Побредишь и потемперируешь еще день-другой, а

потом три недели просто полежишь в больнице.

- Ты врешь. Ты не он, я знаю! - Я потянулась, чтобы толкнуть кубическую пародию на моего брата в грудь, но рука упала. - Ты прячешься за его глазами, чтобы пугать меня!

- Все мы за чем-то или за кем-то прячемся. - Он снова стал рассыпаться: кубы и пирамидки теряли свои острые ребра, превращаясь в шарики, которые, пружиня друг о друга, закружились в хаотическом танце. - Сознание определяет бытие, или бытие определяет сознание? Наше сознание выстраивает бытие, как летний домик, прячется за его створки и шторы, размещается с максимальным комфортом, вытянув длинные ноги в штиблетах и послав слугу за чаем, или наше бытие взращивает сознание, поливая его, как заботливый садовник, и удобряя компостом из догм, стереотипов и социальных устоев?

Я не понимала его речей, но отвечала, боясь потерять контакт - лучше Рин, даже рассыпающийся и странноватый, чем мутные гуманоиды. До сих пор не знаю, что из вещаемого им тогда было реальным, а что - плодом моего раскаленного мозга.

- Отчего принято считать, что сфера - предел совершенства? Потому лишь, что не имеет начала и конца, является символом бесконечности и абсолютного нуля? Для меня совершенство в движении, в росте, в многообразии. Стоугольник или сотысячеугольник, ромбоэдр, тетраэдр, ромбододекаэдр... Не простота, но бесконечное усложнение. Гипер-

куб...

Он сложил ладони, и между ними возникло нечто многогранное и мерцающее.

- Но ведь природа любит простые формы. Солнце круглое, яйцо овальное. Голова у человека почти круглая. Разве не это мерило совершенства?

- Любая простота - лишь составная часть. Мы видим кусочки мозаики и превозносим их за ясность, доступную нам, но всю картину целиком лицезреть не можем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.